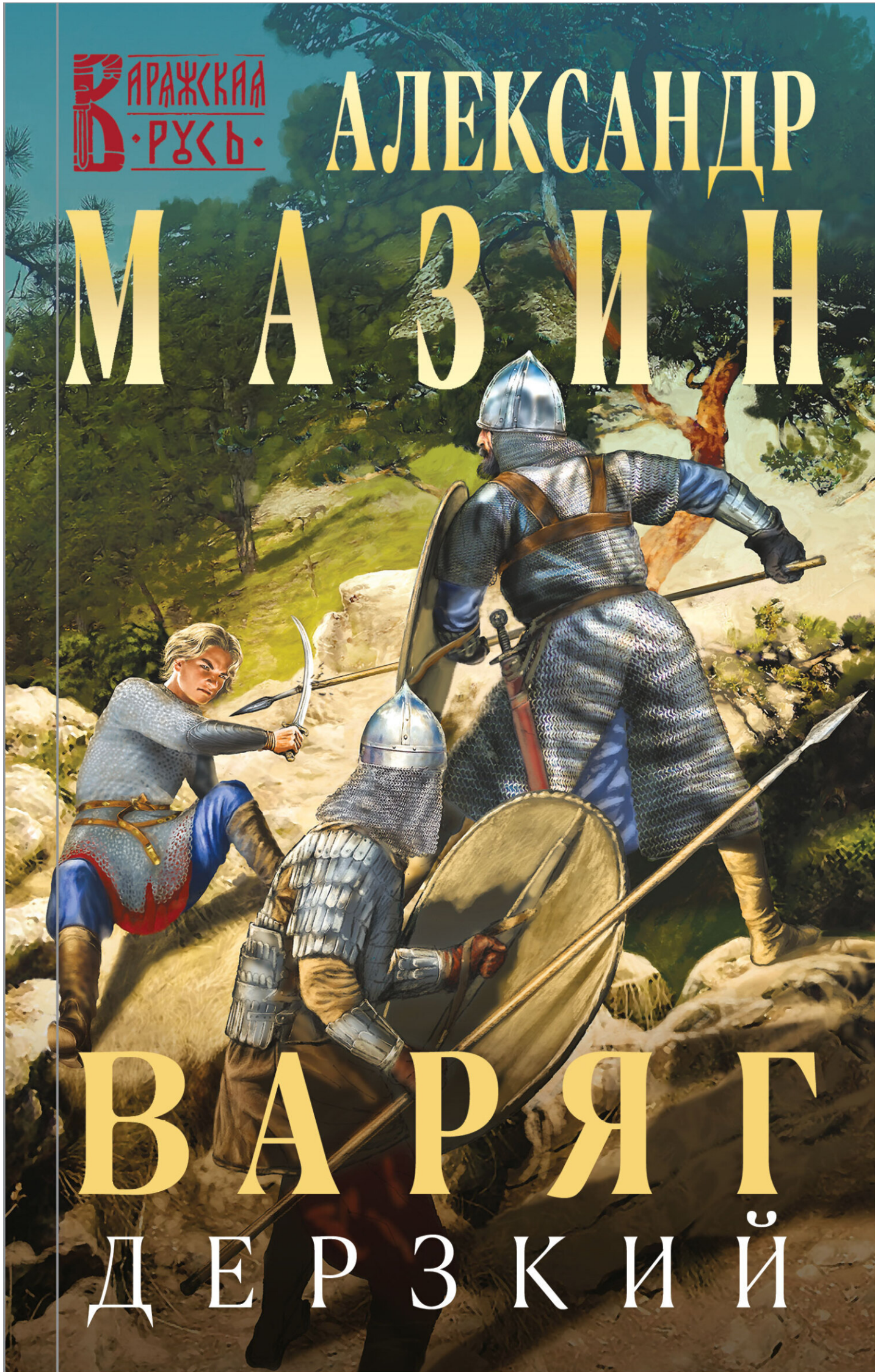

ПРАЖСКАЯ
РУСЬ

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ВАРЯГ
ДЕРЗКИЙ

Варяг

Александр Мазин

Варяг. Дерзкий

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мазин А. В.

Варяг. Дерзкий / А. В. Мазин — «Эксмо», 2021 — (Варяг)

ISBN 978-5-04-156055-3

Придет время, и Тмутаракань станет частью Руси. Но сейчас захваченный русами князя Олега Киевского Самкерц-Таматарху удержать невозможно. Нескольким сотням русов и норманнов не устоять против тысячных армий. Вопрос лишь в том, кто первым сумеет ее захватить: византийцы или хазары. Бывший князь-воевода Сергей, а ныне княжий отрок Вартислав прекрасно это понимает. И упорно ищет ответ на вопрос: зачем Олегу понадобился Самкерц? Но сначала Сергею придется решить задачу «попроще»: как им всем выжить в надвигающейся битве титанов?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-156055-3

© Мазин А. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1, в которой полусотник Войст удивляет фемного стратига Иоанна	8
Глава 2. Никогда не доверяй проституткам	14
Глава 3, в которой два отрока варяжской дружины становятся ценным товаром	20
Глава 4, в которой судьба преподносит друзьям приятный, хотя и сомнительный подарок	22
Глава 5, в которой Сергей с Машегом узнают, что их бросили	30
Глава 6, которая начинается славным морским путешествием, а заканчивается бедой	40
Глава 7. Самкерц. Три недели ранее	43
Глава 8. Самкерц. Три недели ранее	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Владимирович Мазин

Варяг. Дерзкий

© Мазин А.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

– ...а также болгаре злокозненные неутомимо старания прилагают, дабы привлечь на свою сторону пацинаков. И озабочены сим союзом настолько, что соединяют браком сыновей своих с пацинакскими девами, дабы приготовить сим военное сотоварищество против нас. Посему прошу, Ваше Святейшество, молитвенного благословения Вашего, заступничества пред Господом и заступничества пред Господином нашим Автократором Василевсом, да живёт он вечно, ради оборонения нас от врагов земных, яко молитвы Ваши обороняют нас Небесным благоволением!.. – при этих словах тонкие уста стратига тронула улыбка, ибо нынешнее простое положение подвластного стратигу нома как раз и было «заслугой» нынешнего же носителя алых сапог Льва Шестого, проигрывающего одну войну за другой и ухитрившегося довести империю до того, что византийским дипломатам приходилось теперь именовать мисийского дикаря кесарем и платить ему дань, которую тот, не стеснясь, использовал в своей борьбе против Византии.

Нет, правитель херсонской фемы стратиг Иоанн не рассчитывал, что Лев Шестой окажет помощь далёкой херсонской феме. Вряд ли он даже прочтёт его письмо. Автократор Лев, озабоченный лишь желанием угодить любовнице, даже не задумывался, каково это: представлять христианскую империю в окружении враждебных варваров.

Вот почему каждое своё послание в дворцовую канцелярию фемный стратиг Иоанн дополнял ещё одним: человеку, которому единство ромейского мира небезразлично. Святейшему Патриарху Константинопольскому Николаю, прозванному Мистиком¹, по занимаемой им когда-то должности.

Стратиг поглядел на собственного секретаря, замершего в ожидании, стёр с лица улыбку и продолжил, уже не для дворцовой канцелярии, а для этого, второго адресата:

– Ныне же из собственных средств намерен я собрать отряд войска и послать в землю пацинаков не ради военных действий, а лишь для того, чтобы позаботиться о безопасности вверенной мне фемы и воспрепятствовать набегам варваров на ромейскую землю. Однако, испытывая немалую нужду, молю Ваше Святейшество...

Стратиг смотрел на то, как бегут из под-пера секретаря ровные ясные строчки и думал о том, сколько ещё писем придётся написать, прежде чем на той стороне моря проникнутся серьёзностью ситуации и поймут: если Симеона не остановить, то и Херсонскую фему постигнет участь Силистрии² и иных городов, что ныне оказались под властью мисян³.

– Подпиши: Вашего Святейшества смиреннейший и преданнейший послушник Иоанн.
И оттиснул рядом с подписью личную печать.

Когда чернила просохнут, секретарь опечатает послания уже другой печаткой, с обозначением его государственной должности, и надпишет официально: Его Святейшеству Вселенскому Патриарху Константинопольскому Николаю от стратига Херсонской фемы Иоанна Воги.

И отправит оба письма специальными курьерами на военной триере. Не хватало ещё, чтобы его послания перехватили пираты, коих вследствие того, что у него, стратига, нынче иные заботы, развелось вдоль северных берегов Понта Евксинского великое множество.

– Послы из Таматархи ждут?
– Да, господин.
– Русы?
– Да, господин.

¹ Мистик – тайный поверенный, в данном случае личный секретарь императора Льва Шестого.

² Доростола.

³ Мисяне – дунайские болгары.

– Кликни переводчика и приглашай.

Иоанн Вога недурно владел скифскими наречиями, но варварам об этом знать ни к чему.

Глава 1, в которой полусотник Войст удивляет фемного стратига Иоанна

...не договоримся!

Синее море. Синее небо. Чайки. Белые. Всё прекрасно, но – пованивает. Рыбой, гнилыми водорослями, бродящим виноградом, ливневой канализацией, доставшейся городу ещё от тех, первых ромеев. Которые настоящие римляне.

Херсон. Он же – Херсонес. Он же – Корсунь-град в словенском произношении. Столица одноимённой фемы.

Сергей помнил, каким был Херсон, вернее, каким он будет, когда в него войдут войска великого князя Владимира Святославовича. И каким город станет после того, как Владимир из него выйдет, увозя с собой всё, что можно увезти.

Сейчас Херсон – прекрасен. И могуч. Толстые высокие стены длиной в несколько километров. А с южной стороны стена вдобавок двойная. Прорвёшься через неё – и окажешься в ловушке.

Над стеной господствуют десятки башен высотой пять-шесть сажень, а полдюжины ворот крепки, узки и усилены железными решётками-катараками.

Мошь и красота. Белый храм над морем. Христианский. На фундаменте языческого. Из тех же времён, что и канализация. Надо полагать, водопровод, снабжающий город водой, – оттуда же, из языческих времён. Хотя в городе и собственные колодцы имеются. Тоже старинные. А вот орудия на стенах – новые. И монеты. Говорят, старые были лучше. Крупнее. И золото качественней. Но эти тоже годятся.

– Тридцать семь солидов – хорошая цена! – Купец-ромей готов торговаться хоть до вечера.

Войст тоже никуда не спешит. Он теперь не просто гридень – главнокомандующий целого шестнадцативёсельного корабля. И вино хозяйское Войсту нравится, и закуски. И служанка, которая, всё это принося, то бедром прижмётся, то грудью.

Хорошо быть большим человеком!

Вообще-то они сюда приплыли не жизнью наслаждаться, а с важной дипломатической миссией.

И миссию эту большой человек Войст не провалил. И даже не понял, что самым краешком прошёл мимо офигенных неприятностей. Гридень Войст нынче – великий политик. Голос самого наместника Самкерца.

А ещё он великий торговец, которому скоро серебро мешками потащат. Простое ведь дело: купить за дирхем, продать за десять. Да ещё и вместо транспортных расходов транспортные доходы получить. И дело-то плёвое: по пути домой купеческий караван от пиратов защищать. Грабители морские совсем распоясались. Устраивают засады буквально под носом у херсонских властей – в соседней бухте. Да вообще в любой береговой щели прячутся. Нападут внезапно – и исчезнут. С добычей.

А если противник не по зубам – просто ждут следующего. Да и вообще, как понять, пираты или честный мореход? Приходит в порт корабль с грузом, а откуда этот груз – кто знает? Может, честно приобрёл где-то в южных или северных краях, а может, тут же, «за углом», хапнул?

Нет, выяснить было бы можно. В принципе. Например, если ценник на товар оказывался ниже среднего.

Но кому это надо? Покупателям? Так те только рады дополнительной прибыли.

Властям? Те, которые маленькие, наверняка мзду имеют. А большие... Вот тут всё сложно.

Херсонский флот могуч, но какой смысл гонять за всякой мелочью боевые хеландии. Хочешь безопасного пути – плати.

Вот хоть Войсту, у которого под началом целый экипаж боевой лоды русов.

Собственно, на Руси такая же схема. Или тыходишь в большой караван великого князя, или путешествуешь на свой страх и риск.

Это логично. Впрочем, Сергей не стал бы утверждать, что херсонский стратиг покрывает пиратиков.

Не до того ему.

Судя по тому, что видел Сергей, у хозяина Херсонской фемы проблемы поосновательней мелких морских разбойников. Его, похоже, даже смена власти на той стороне будущего Керченского пролива не особо беспокоила. И это при том, что с хузарами у ромеев отношения напряжённые. Особенно здесь, в Крыму.

Нет, игнорировать новых хозяев Самкерца стратиг не стал. Принял послов практически сразу, и пары суток не минуло. Но общение – не задалось. Может, потому, что гридень Войст был никудышным дипломатом. Но скорее всего, стратига Иоанна Вога смена руководства Самкерца заботила во вторую, а то и в третью очередь. Судя по количеству военных в резиденции стратига, у Херсонской фемы были серьёзные проблемы военного характера.

А поскольку большинство офицеров было из фемных катафрактов, а не из имперской «морской пехоты», то проблемы эти назревали не на море, а на суше.

Поначалу, увидев в резиденции стратига целых аж трёх командиров тяжёлой кавалерии, Сергей забеспокоился: не Самкерц ли он, стратиг, намерен завоёвывать?

Ну да, город – с той стороны пролива. Однако переправить войско через узенький пролив для морской державы – вообще не вопрос.

И прямо сейчас объявит стратиг Иоанн Вога мирной делегации русов, что отныне он с ними – в состоянии войны. И капец.

Главный переговорщик русов этого не понимал. Исполненный чувством собственной важности, Войст победно вышагивал по мозаичным полам стратиговой резиденции.

А его скромный переводчик отрок Варт семенил следом, вертя головой и прикидывая: удастся ли смыться, если пойдёт по-плохому и хозяин Херсона отправит их под арест.

По всему выходило: смыться не получится. Солдат в резиденции – как вшей в шевелюре печенег.

Арестовывать их не стали.

Стратиг очень внимательно оглядел Войста, который не соизволил даже голову склонить в знак уважения, принял через секретаря список договора, составленного великим князем Олегом и спафарием Николаем Пиператом, а также приветственное письмо от княжича Рёреха, написанное по-ромейски, прочитал оба документа, ещё раз поглядел на варяга: не добавит ли что устно?

Войст молчал. Но выражение лица у него было такое, словно это он, Войст, стратиг фемы, а Вога – княжий порученец.

Сергей, убедившись, что хватать и тем более убивать их не станут, с большим интересом ждал, что предпримет правитель херсонской провинции.

Всё, на что мог уповать Сергей, вот этот самый договор, заключённый великим князем и «мечом» империи Николаем.

Примет его стратиг или нет?

Главнокомандующий Херсонской фемы – это величина побольше, чем какой-то там спафарий. Но есть еще и высокая политика. Иоанн – патрикий империи, Николай – тоже. И кто

знает, какие у того полномочия? Пусть ранг Воги и выше, но далеко не всегда решающее значение имеет размер винтика.

И надо учесть: Иоанн Вога был не только политиком, но и воином. Сергей повидал таких немало и умел кое-что прочесть даже на таких, железно держащих «покер-фейс», лицах. И сейчас Сергей видел: стратиг озадачен.

Причём не содержанием документов, а необъяснимо наглým поведением посланника.

Типичный византийский стратиг, Вога мыслил стратегически. И политически. И был уверен, что новый правитель Таматархи мыслит так же. Иначе как бы он сумел заручиться поддержкой такого прожжённого интригана, как Николай Пиперат. Следовательно, стоящий перед стратигом посланник тоже не прост и только прикидывается простым воякой.

В общем, Войст, который говорил с ним, стратигом Иоанном, без малейшего пиетета, навёл последнего на совершенно определённые мысли.

Для политика Воги такое отношение от человека заметно более низкого ранга, вдобавок ещё и дипломата (как полагал византиец), было не пренебрежением, а знаком.

Стратиг тотчас уверился: варяг ведёт себя дерзко потому, что получил соответствующие инструкции от начальства. Воге и в голову не пришло, что окрылённый повышением в звании Войст полагает себя чрезвычайно важной персоной. И просто не понимает, что разговаривает с человеком, чьё войско раз в десять превосходит дружину беловодского князя Стемида.

Впрочем простодушие Войста могло обернуться им на пользу. Чтобы играть на равных с таким, как стратиг Иоанн, надо быть весьма искущённым игроком. В команде Рёреха таких не было. Включая и самого Сергея, которого в силу юного вида не приняли бы всерьёз.

Пожалуй, ярл Харальд мог бы... Однако учитывая, какие нынче сложились отношения между наместником Рёрехом и нурманским воеводой, может, и неплохо, что Харальда здесь нет.

А Войст...

Войст пыжился и делал морду кирпичом, оставляя византийцу широчайший простор для домыслов.

Из неправильных предпосылок стратиг в итоге сделал такой же неправильный вывод: новые хозяева Таматархи хоть и декларируют дружелюбие, но на самом деле проводят демонстрацию силы.

Вопрос: для чего?

И ответ для политика Воги был очевиден: либо русы уже спелись с врагами империи, либо готовы это сделать, если херсонский правитель не предложит им что-то поинтереснее.

«Загадочный» посланец Войст надменно помалкивал. А Иоанн Вога...

Он напряжённо размышлял, перебирая в уме возможных конкурентов.

И наконец выбрал наиболее вероятного. А будучи не только политиком, но и воином, сделал решительный ход: прямо указал на возможного союзника русов. Взял да и поинтересовался у Войста, какие нынче отношения у великого князя с царём болгарским Самуилом?

Подобная прямолинейность тоже была с подтекстом. Всякий мало-мальски соображающий политик сразу сообразил бы: стратиг недвусмысленно обозначил свою готовность к переговорам. То бишь, чего хотят славные воины-русы за то, чтобы дружить не с булгарами, а с ним, Иоанном?

Сергею ход мыслей стратига был понятен.

Но Войст, увы, не понял ровно ничего. В дипломатии и геополитике он разбирался не лучше, чем боевой конь – в китайских кружевах. А на поставленный вопрос на всякий случай ответил, что отношения между булгарами и Олегом очень даже хорошие.

То есть, окончательно утвердил Вогу в его подозрениях. А именно: великий князь киевский в шаге от того, чтобы заключить с булгарами военный союз. И вполне понятно, против кого. А также понятно, зачем об этом только что сообщили ему, херсонскому стратигу. Чтобы

тот сделал встречное предложение. И оно должно быть достаточно серьёзным, чтобы перебить эти самые «очень хорошие».

Так что отреагировал Вога тоже закономерно. Именно так, как и должен отреагировать политик, которому предлагают перебить ставку оппонента.

Но, опять-таки, будучи не только политиком, но и военным, поинтересовался: что именно хочет великий князь киевский, чтобы увериться в его, стратига, дружбе?

Тут Войст сообразил, что вышел за пределы своей компетенции, и ответил уклончиво: мол, лично ему о пожеланиях великого князя неизвестно. Но, сообщил варяг с той же оскорбительной важностью, он, Войст, постарается донести до Олега благорасположение владыки Херсонской фемы, когда у него будет такая возможность.

Стратиг офигел. Его только что низвели до роли просителя, к которому готов «снизойти» даже не киевский князь, а порученец наместника великого князя в Таматархе. Сообщить о желании стратига, когда у него, порученца, найдётся время для этакой мелочи.

Сергей забеспокоился.

Стратиг, конечно, политик и не станет принимать поспешных решений даже после такого недвусмысленного унижения. Однако видок у стратига ещё тот: мрачный, невыспавшийся, с печатью тяжких дум на высоком челе.

Это Войст мог полагать, что если его собеседник не пыжится, говорит ровно и безэмоционально, то всё идёт хорошо. Сергей-то знал: перед ними человек, привыкший повелевать тысячами. Захочет стратиг казнить непочтительного варяга и всю тматороканскую делегацию, так и казнит. Запросто.

А что у него сейчас в голове – так с ходу не просчитать.

Войст риска не понимал, и надо было срочно спасать положение. Так что Сергей по собственной инициативе внёс правку: мол, его командир не понял вопроса и речь идёт не о тех булгарах, что здесь неподалёку, а о тех, что платят дань хузарам и обитают на реке Атель⁴.

Стратиг задумался. Можно ли это воспринимать как обещание не вступать в союз с Симеоном?

И понял ли Вога, что Сергей выдал отсебятину?

Вроде не должен. Для стратига он – мальчишка-толмач, не более.

Жаль, что Войст не согласился с предложением Сергея общаться не по-словенски, а по-нурмански. Хотя и тут никакой гарантии, что в окружении стратига не окажется кого-нибудь, владеющего языком северян. Учитывая, как много соплеменников ярла Харальда обретается в империи.

Поверил стратиг или нет – вопрос открытый. Но когда тот кивнул и обозначил кистью: свободны, Сергей вздохнул с немалым облегчением.

А когда ещё один секретарь попозже сообщил, что русы на трое суток объявлены гостями стратига со всем положенным содержанием, Сергей и вовсе расслабился.

Миновала беда.

Вразумлять Войста он не стал. Всё равно слушать не станет, так что пусть пребывает в уверенности, что поручение княжича он выполнил с блеском.

А вот фемный стратиг после их ухода надолго задумался.

Язык, на котором русы говорили меж собой, он знал. Язык этот мало отличался от того, на котором говорили мисяне. И то, что посол архонта русов говорил одно, а мальчишка-толмач переводил другое, стратига обеспокоило даже больше, чем собственно речи посланца. Нет, так бывает, что переводчик толмачит по-другому. Даже и нередко.

Стратиг улыбнулся, вспомнив историю о сирийском разбойнике, которого поймали и пытали, требуя указать, где спрятано награбленное. Историю эту очень любили изображать

⁴ Она же – Итиль, она же – Волга.

константинопольские лицедеи. Разбойник-сириец долго крепился, но в конце концов сломался и назвал место, где закопал добычу. Вот только общались с ним, не говорившим на языке империи, через переводчика, а переводчик-хитрец возможности не упустил и признание разбойника перевёл так: «Ничего я вам не скажу, ромейские свиньи!»

Однако никакой выгоды для юного толмача от неверных переводов стратиг не усмотрел. Напротив, говорил мальчишка куда более внятно, чем простоватый посол. И выговор у юного руса был, надо отметить, самый что ни на есть столичный.

Что тоже настораживало.

А ещё стратиг заметил: мальчишка его побаивается. А вот сам посол держался так, будто стратиг здесь не Иоанн, а он, рус.

И во всём этом чувствовалась какая-то игра, слишком зыбкая, чтобы стратиг мог ухватить её нить.

Он мог предполагать всё что угодно. Например, этот мальчишка с лицом северянина и столичным выговором на самом деле мог оказаться агентом кого-то из константинопольских политиков. Вот хотя бы того же патрикия Николая Пиперата. Или кого-нибудь повыше.

Стратиг размышлял долго, но – безрезультатно.

Единственное, что он мог: попробовать узнать о странном посольстве ещё что-нибудь. Потому велел послать за начальником городской стражи, а тому приказал обеспечить скрытное наблюдение за русами, а особенно – за мальчишкой-переводчиком.

Если бы об этом узнал Сергей, он бы уже не считал, что всё в порядке.

А вот Войсту на такое повышенное внимание наверняка было бы наплевать. Его мысли были уже заняты совсем другими вещами.

Так что ни он, ни Сергей соглядатаев стратига не заметили.

А вот другие – заметили. И эти «другие» принадлежали к теневой, так сказать, части херсонского сообщества.

И в дальнейшем это оказало Сергею и его другу-хузарину немалую услугу. Но не исключено, что – медвежью.

После посещения стратига варяги занялись собственными делами. Сначала – на рынок. Потом пожрать. Ну, и запланировать что-нибудь весёленькое на вечер.

Вот тут-то, на рынке, Войсту, впечатлённому разницей цен в Херсоне и далёком Новгороде, пришла в голову замечательная идея: закупиться свежеприбывшими ромейскими товарами, в частности тканями и медной посудой, и доставить их сначала в Самкерц, а потом, через Киев, домой в Белозеро.

Во время обеда Войст поделился идеей с подчинёнными, и большинство идею одобрило. И даже выразило готовность вложиться в проект всей имеющейся наличностью. Ещё бы: тысяча процентов прибыли.

Войст был хорошим воином. Умелым, неглупым, в меру инициативным. Но получив повышение, почему-то решил, что его теперь удача непрерывно в попу целовать будет. И вёл себя так, будто он уже почти князь.

Единственное, что мог сделать Сергей: отказаться участвовать в бизнес-сладчине. Он-то знал: те же товары, в которые намерен вложиться Войст, при желании можно приобрести и в Самкерце. И если брать оптом и у правильных людей, выйдет даже дешевле.

Отказался от бизнес-проекта и Машег, хотя и по другой причине. Хузарин заявил: покупать, чтобы продать дороже – ниже его достоинства. Воин кормится добычей.

Войст их отказ принял спокойно. Решил: молодые, глупые.

Он уже видел себя богачом, чей капитал удесятеряется после каждой ходки в Херсон и обратно. В планах он даже замахнулся на торговлю непосредственно с Византией, где, как он узнал, цены на имперскую продукцию ещё меньше, а на всякий северный товар, например, на

рыбью кость⁵ – вдвое дороже, чем в Херсоне. И в пятьдесят раз дороже, чем у непосредственного «производителя». О законах, которые запрещали негражданам торговать на территории Византии, Войст, разумеется, понятия не имел.

В итоге сразу после сытного обеда воодушевлённые грядущим богатством варяги отправились на агору – искать «попутку» до Самкерца, ведь на шестнадцативёсельную лодью все планируемые покупки никак не влезут.

И тут, на агоре, варяги узнали, что их мечи – не менее востребованный товар, чем стеклянная и медная посуда.

Так что первая часть бизнес-проекта, заключающаяся в доставке купленного в Самкерц, не только не потребует денег, но и принесёт прибыль. Более того, византийский купец, по собственной инициативе затеявший разговор с Войстом, был готов передать интересующие варягов товары непосредственно в Самкерце. Причём за ранее оговорённую цену.

В обмен на защиту по дороге.

Очень хорошо, что Войст всё-таки успел к этому времени пообщаться с другими купцами и узнать о пиратском беспределе. Иначе с большой долей вероятности ромей получил бы защиту бесплатно.

Но Войст – успел. И теперь отчаянно торговался за каждую монету. И оплату потребовал не золотом, а тем же товаром. Купец торговался ещё более рьяно, но Сергей видел: византиец очень доволен. Он продаст Войсту товар, считай, по розничной цене и по той же цене расплатится за охрану. Товаром. «Как приятно иметь дело с непрофессионалами», было написано на его крючконосой физиономии.

Когда стороны договорились, Сергею была предоставлена свобода. Чтобы заказать праздничный ужин, помощь переводчика варягам не требовалась.

И топтавшийся рядом изнывающий от нетерпения Машег наконец-то смог поделиться с другом планами на вечер.

А планы были – громадные. И как раз для настоящих мужчин.

Пока Войст торговался, хузарин здесь же, на агоре, собирал информацию. Самую важную, по его мнению. И вполне преуспел. Теперь Машег совершенно точно знал, где находится самый лучший в Херсоне бордель.

⁵ *Рыбья кость* – моржовые клыки и т. п.

Глава 2. Никогда не доверяй проституткам

«Никогда не доверяй проституткам». Эту простую мысль вложил в Сергея Духарева ещё в самой первой жизни старший товарищ по спортшколе, а впоследствии «дикий гусь» Паша Влакис. «У баб, для которых щель – товар, всё в этом мире – товар. Так у них, баб, устроено. Она с тобой до тех пор, пока кто-то не перебьёт твою цену».

Паша Влакис знал, что говорил, потому что тоже кое-что продавал. Своё умение убивать.

И платили ему побольше, чем проституткам. Хотя и ненамного. В том мире умение собственноручно прикончить ближнего не входило в список престижных навыков.

В отличие от этого. Впрочем, в этом мире Паша протянул бы недолго. То, что в двадцатом веке называли практичностью и продуманностью, здесь сочли бы предательством. И боец, который предал своих из-за двадцатипроцентной прибавки к окладу, после пары успешных сделок заканчивал карьеру в желудках падальщиков.

«Никогда не доверяй проституткам».

Сергей поглядел на утонувшего в женском мясе Машега. Немного позавидовал. Друг наслаждался. Изюм всех сил. А сил у юного и отлично тренированного организма благородного хузарина было изрядно. Потому три девки из четырёх перекочевали к нему. А четвёртая валялась на ковре сиськами кверху, дрыхла и храпела так, что впору испуганной лошади, а не молоденькой работнице херсонского лупанария.

Сергей бы тоже поспал. В голове шумело от выпитого, секса больше не хотелось.

Но – беспокойно.

Не нравилось ему здесь. Непонятно, почему. Так-то всё хорошо. Чистенько, цветами пахнет, фонтан журчит, девки не сказать что все красивые, но не потасканные, свеженькие.

Месторасположение у борделя привилегированное. Рядышком с резиденцией стратига и его ближайшего окружения. Для богатеньких место. Сергей даже видел одного такого. Смуглого толстяка, восседавшего в мраморной ванне с парочкой подростков непонятного издала пола. Голого, но что характерно – с золотыми цацками на шее и руках. Может, толстый боялся, что их украдут?

Девка зарычала басом, Машег тоже взрыкнул. Тенором. И опрокинулся на спину, головой – в мягкий белый живот другой девки. Третья тут же сунулась мордочкой хузарину в пах, запыхтела, зачмокала. Сергей задумчиво глядел на задранные кверху мощные ягодички, мокрое раскрывшееся лоно...

В плане развлечений секс у Машега стоял на втором месте, уступая только стрельбе по живым и вооружённым мишеням.

А вот мысли Сергея были сейчас далеки от этого вида типично мужских развлечений. Он пытался спрогнозировать действия фемного стратига. Захватив Самкерц, великий князь киевский Олег вломился в сеть причерноморской политики, как шмель в паутину. Ромеи, болгары, хузары, печенеги...

И это только главные пауки. И если шмелю не удастся встроиться в систему партнёрства и соперничества, коварства и предательства, которая и есть политика, то никакая сила не поможет. Сила, манёвр, точный разящий удар... Всего этого Олег лишился, привязавшись к территории, которую теперь придётся защищать сразу от всех.

И подписанный с византийским патрикием договор не стоит даже израсходованного на него пергамента, если не подкреплён конкретными связями. Что сегодня и продемонстрировал посольству русов херсонский правитель. Который пока что является едва ли не сильнейшим игроком этого региона. В первую очередь потому, что не только располагает значительными силами, но и, похоже, прекрасно представляет, как их применить.

А ещё за стратигом стоит Константинополь. Пусть нынешний император слаб и вряд ли пришлёт войска метрополии в помощь фемным. Но может прислать золото, которое тоже воюет неплохо.

Собственно, будь на месте великого князя Сергей, он бы даже не пытался удержать Самкерц. Даже при поддержке ромеев. Тем более что Самкерц – это всего лишь город, а не область, которую впоследствии назовут Тматороканью. Олег же подмять под себя земли к востоку от Керченского пролива даже не попытался. А у Рёреха просто на это не хватило бы сил. Единственная надежда устоять – поладить с ромеями. И не с метрополией, которую представлял Пиперат, а со стратигом Вогой. Вот у кого есть и средства и, наверное, желание. Хузары – конкуренты и постоянно лезут в дела Херсонской фемы. Самкерц мог бы стать их базой на том берегу. Но доверять им опасно, ведь кто помешает стратигу сделать город своим, если пустить внутрь херсонских стратиотов?

Может, предложить стратигу союз? Но против кого? Судя по сегодняшнему разговору, Иоанн Вога всерьёз опасается дунайских болгар. Наверняка не без оснований. Кесарь Симеон показал себя соседом опасным и амбициозным. Заставил прогнуться самого Автократора ромеев. А уж ближайшего соседа по Чёрному морю может в бараний рог согнуть, если стратиг даст слабину.

Однако выгодно ли самим русам ссориться с Симеоном, когда врагов и без того полно?

Очевидно одно: с херсонским стратигом надо как-то договариваться.

И для подобных дипломатических игр рубака Войст точно не годится.

К сожалению, не годится и Сергей. Слишком несолидно выглядит.

Наверное, справился бы сам Рёрах...

Но княжич не рискнёт оставить Самкерц. Стоит это сделать, и главным станет воевода, Харальд-ярл. А этот вполне может разграбить город и свалить. Если не сам, то кто-нибудь из его хёвдингов. Например, тот же Хаги Маленький.

Да, Рёреху удалось переиграть ярла на первом этапе борьбы за власть.

И ярл принял этот малый проигрыш достаточно спокойно. Подозрительно спокойно.

Что доказывало лишь одно: у Харальда есть какие-то свои цели. Опять-таки вопрос: зачем бы великому князю ставить воеводой именно его, нурмана? Достоинства викингов несомненны, если речь идёт о морском разбое, например. Но защита захваченного города, чужого города... Это как волков приставить овечью отару охранять.

Сергей устал ломать голову. В конце концов, юный возраст имеет свои преимущества. Например, можно расслабиться, перестать думать о геополитике и наслаждаться жизнью. В данном случае: вином и девками.

Однако вернувшись в реальность, Сергей как раз и вспомнил мудрую фразу контрактника Паши.

«Никогда не доверяй проституткам».

Паша Влакис был прав только наполовину. Он забыл о тех, кто руководит секс-бизнесом.

А те и не скрывались особо, пусть и говорили достаточно тихо. Будь Сергей увлечён подружкой, не услышал бы.

Но он услышал.

Говорили по-ромейски.

– Чёрненький хорош. Пылкий. И красавчик. А этот – скучный какой-то. И жилистый...

– Зато беленький, – перебил второй голос, тоже мужской. – Мать редкая. А что жилист, так и на таких есть любители.

– Любители на всех найдутся, – подхватил первый, судя по произношению, не местный, из Константинополя. – Не за всех хорошую цену дадут.

– Так не обязательно для постельных утех, – вступил второй. – Здоровый, молодой, кожа чистая. Можно оскотить. На евнухов спрос тоже высокий.

«Это ж они о нас с Машегом», – с опозданием сообразил Сергей. С опозданием, потому что в голове не сразу уложилось.

Сообразил, но виду не подал. Лежал так же неподвижно, делал вид, что сейчас его интересует только мясистая задница шлюшки, испятнанная россыпью небольших, уже посветлевших синяков. Надо полагать, кто-то от души пощипал её ягодицы.

– Кто они, знаешь? Искать не будут? – поинтересовался константинополец.

– Чьи – не знаю, – ответил местный. – Я их первый раз вижу. Думаю: из купцов. Младшие. Получили серебро и прибежали тратить. Не первые они у меня. Когда их хватятся, ты уже в море будешь. Главное, о цене мы с тобой сговорились.

Девка, оставшаяся с Сергеем, повернулась на бок и уложила на него ногу. Не просыпаясь.

Торг за шторкой много времени не занял. Пара минут – и Сергея с Машегом уже продали.

– Я людей за ними пришлю, – сказал покупатель. – И деньги тоже.

– Возок пусть возьмут, – предупредил продавец. – Я мальчикам вина подам с сонным зельем, чтоб по-тихому. Проснутся уже у тебя в трюме. Сумеешь им растолковать, что к чему?

– А то! – Покупатель-константинополец коротко рассмеялся.

Что ж, кто предупрежден, тот вооружен. А пока будем вести себя естественно. Сергей спихнул с живота женскую ногу, поглядел на её хозяйку: юную, тяжелогрудую, разомлевшую, прислушался к организму... и решительно втиснулся меж горячих влажных ляжек.

Девка открыла глаза, вздохнула-всхлипнула, пробормотала:

– Вздрючь меня, бык-господин...

Без энтузиазма пробормотала.

Молоденький её основательно заездил.

Хотя сама виновата. В искусство ублажения мужчин входило умение стонать, кричать и содрогаться, выказывая неуёмную страсть... Оной ни в коем случае не испытывая. Но этот мальчишка оказался не по годам умел и ухитрился довести её до воплей совсем непритворных, и далеко не единожды.

Она, однако, не жалела. Здешний лупанарий – не портовый притон, где на каждую вагину приходится по два десятка гостей подряд. Здесь пахнет благовониями, а не рыбой, потом и мочой. И гости здесь получают то, что желают. Так что если гость желает, чтобы она кончала взаправду, и в силах довести её до желаемого, то, значит, так тому и быть.

С этой мыслью юная Аспазия-Желанная, названная когда-то матерью Зозим, что значило «оставшаяся в живых», зажмурилась, обняла ногами неутомимого мальчишку и отдалась тому, что крестивший её священник называл мерзейшим блудом, а в этом доме именовалось божественным наслаждением.

Обтёршись льняным полотенцем, Сергей поглядел на куча-мала из четырёх тел, хмыкнул, безжалостно извлёк из неё Машега.

– Прочь! – по-ромейски велел он трём девкам, подкрепив команду парой сочных шлепков.

Четвёртую, собственную, не выгнал. Пусть дрыхнет.

– Ты как? Дратся способен? – спросил он по-хузарски.

– Всегда! – решительно заявил хузарин. Язык у него, однако, заплетался, и стоял он...

Не то чтобы штормило, но подштормливало.

Сергей надеялся, что это не помешает другу стрелять. У хузар бить из лука и держаться в седле – не навыки, а рефлекс. Причём безусловные.

– Давай облачайся. Сейчас нас вязать придут.

В помещение, однако, никто не ворвался. Внутри с нежнейшими улыбками проскользнули две частично одетые девки с угощениями.

Если они и удивились, увидав, что гости полностью одеты, то виду не подали.

Расставили принесённое на низеньком столике, наполнили кубки и вознамерились удалиться...

– Хозяина позовите! – властно потребовал Сергей.

– Не трогай, – одёрнул он по-хузарски потянувшегося к кубку Машега. – Отравлено.

– Точно? А пахнет хорошо!

Хозяин заведения, пузатый херсонский ромей, увешанный золотыми цацками, явился тотчас.

– Великолепным господам что-то не понравилось?

– Наоборот, – Сергей протянул хозяину борделя один из кубков. – Хорошо тут у тебя.

Выпей со мной, старик!

Херсониту вряд ли было больше сорока, но он не обиделся. Может, подумал, что для таких мальчишек он и впрямь старик. А вот пить отказался:

– Прости, молодой господин, лекарь не велит мне принимать сок лозы.

– Обидеть меня хочешь? – с угрозой процедил Сергей.

– Кто моего друга обидит, тому смерть! – радостно сообщил Машег.

Миг – и лук материализовался у него в руках. Причём с уже наложенной стрелой.

– Выпей за нас, старик! За славных воинов великого князя русов Олега!

Борделевладелец слотнул. Вероятно, в горле пересохло, когда увидел наконечник наложенной на тетиву стрелы и шалые, пьяные глаза хузарина.

Похоже до него дошло, что эти мальчишки – не сыновья заезжих купчиков.

И об Олеге Киевском он наверняка слышал. О смене власти в Самкерце здесь, в Херсоне, болтали не меньше, чем о ценах на зерно.

Херсонит с оскорблённым видом взял у Сергея кубок и сделал глоток.

– До дна!

Тут нервы у херсонита не выдержали. А может, храбрость проснулась. Потому что он выплеснул вино в Машега, кубок метнул в Сергея и с воплем: «На помощь!» бросился наружу.

Пойманный Сергеем бронзовый кубок врезался в затылок херсонита и со звоном покатился по полу.

К сожалению, не остановил. Хозяин борделя вылетел наружу, едва не сорвав занавеску.

– Уходим! – Сергей рванул следом за херсонитом...

И остановился, потому что Машег убежать не спешил.

Отложил лук, не спеша вытирал лицо простынкой, пялился на так и не проснувшуюся деву.

– Ты чего? – изумился Сергей. – Не напехался?

– Надо наказать! – заявил хузарин. – Никто не скажет, что оскорбил меня и это сошло ему с рук! Честь моего рода задета!

Хотелось схватить мелкого гордого идиота за шкуру и тащить прочь, но...

Машег подобного обращения не простит. Никогда.

Интуиция во весь голос вопила: надо валить!

Но бросить друга Сергей не мог.

И убеждать – бесполезно. Потому что этот безусый аристократ упрямей любого осла.

Долго ждать не пришлось.

Злополучная занавеска оказалась на полу и в проёме встали... К сожалению, не охрана заведения, а городская стража.

Ну кто бы сомневался, что они у хозяина борделя на прикорме.

Лук снова оказался в руках Машега.

Хорошо хоть, сразу стрелять не стал.

– Мы – люди великого князя русов! – поспешил сообщить по-ромейски Сергей. – Послы к стратигу Иоанну от нашего князя! Этот собачий кал, – Сергей указал на прячущегося за спинами стражников борделевладельца, – хотел нас отравить и ограбить! Хватайте его!

Двое стоящих впереди стражей переглянулись. Сергей видел: его речь произвела впечатление. Но, похоже, недостаточное.

Плохо, когда ты выглядишь мальчишкой. Плохо для авторитета.

– Мы отведём вас к стратигу, – после небольшой паузы сообщил один из стражников.

– И его тоже! – потребовал Сергей, указав на борделевладельца.

– И его тоже, – согласился стражник. – Отдайте оружие.

– Нет! – отрезал Сергей.

– Нет так нет, – неожиданно легко согласился стражник и шагнул в сторону, сделав приглашающий жест: на выход!

– Вперёд идите! – потребовал Сергей.

И стражники опять не стали спорить.

Повернулись и спокойно вышли в коридор. Более того, один положил руку на плечо борделевладельца и пихнул его вперёд.

Пузатый попробовал возмутиться, но стражник так сдавил ему плечо, что рожу содержателя притона перекосило от боли.

Но Сергей медлил. Что-то было не так. Что?

Машег сунул стрелу обратно в колчан, а лук убрал в налуч на боку, надел на голову остроконечную щегольскую шапочку, ухватил со стола яблоко, откусил, подмигнул Сергею, сказал: «Утром не хотели меня взять, а теперь вместе к стратигу пойдём!», откинул занавеску и шагнул в коридор.

И тут до Сергея дошло, в чём неувязка.

«Мы отведём вас к стратигу», – пообещал стражник.

К стратигу! Какой-то городской стражник. Даже его начальник не факт что имеет допуск к первому лицу Херсонской фемы. У ромеев в этом отношении строго. Легче сержанту ДПС попасть в кабинет губернатора, чем городскому стражнику – к фемному стратигу!

– Машег, назад! – крикнул Сергей, хватаясь за саблю.

Но опоздал.

Стражников было не двое. Ещё парочка пряталась за занавеской, и один из них успел накинуть на юного хузара сеть, а второй – огреть древком копья по затылку. Шапка упала на пол одновременно с её хозяином.

Сергей выхватил саблю, бросился на ударившего Машега стражника, но тот довольно ловко принял удар на щит и сделал выпад копьём, заставив Сергея отскочить. Сманеврировать в узком проходе было – никак.

Второй стражник резко присел. Сергей успел удивиться, но не успел среагировать, когда тот резко дёрнул за край ковра. Сергей потерял равновесие... И второй стражник метнул щит.

Удар пришёлся в живот. Сергея отшвырнуло назад, столик угодил точно под колени, Сергей рухнул на него спиной, перекувыркнулся, но встать на ноги не сумел. Под ногами оказалась завизжавшая девка, и Сергей снова упал, больно приложившись поясницей о край ложа.

Саблю, однако, не выпустил. И вскочил в ту же секунду...

Но недостаточно быстро, чтобы увернуться от брошенной сети.

Сергей принял её на саблю, но рассечь не сумел. Будь с Сергеем его любимый клинок из индийского булата, возможно, и получилось бы. Но взятая у печенежского хана сабля осталась в Самкерце.

Рывок – и Сергей снова на ковре. Рука с саблей безнадежно запуталась в сети, однако левой он сумел выдернуть из чехла кинжал...

Достать, но не применить. Кинжал – слишком слабое оружие, когда против тебя четверо в полном боевом, а ты вдобавок валяешься на спине, запутавшись в чёртовой сети.

Кинжал выбили, саблю отняли, придавив руку краем щита, а через пару минут он, качественно связанный, с заткнутым ртом, стал таким же беспомощным, как потерявший сознание Машег.

И всякая надежда на позитивный исход растаяла, когда пятый, ромей, не участвовавший в драке, чернобородый, толстый, в шёлковом плаще и шитых бисером замшевых сапожках, передал хозяину борделя кошелёк и скомандовал стражникам:

– Что встали? Взяли и понесли. С вами на корабле расплатятся.

Возможно, если бы человек, которому было поручено присматривать за Сергеем, отнёсся к своему заданию более ответственно, то на этом этапе беды Сергея и Машега закончились бы. Достаточно было приставленному к мальчишкам соглядатаю шепнуть стражникам, что эти люди интересуют самого стратига...

Но соглядатай решил, что юнцы пробудут в борделе до утра, и по собственной инициативе снял наблюдение.

С рассветом, вернувшись, он первым делом пообщался со стражниками, которые ночью присматривали за порядком на площади и в её окрестностях.

Так совпало, что именно эти стражники непосредственно участвовали в похищении.

И не в их интересах было, чтоб кто-то посторонний, а уж тем более сам фемный стратиг, узнал об их незаконной подработке.

А вот с сообщением заказчику о том, кто и почему интересовался похищенными, стражники медлить не стали, поскольку были весьма заинтересованы, чтобы и покупатель, и «товар» убрались из города как можно скорее.

Что же касается соглядатая, то он преспокойно «сдал пост» своему сменщику, а тот даже не усомнился в том, что объекты наблюдения по-прежнему в борделе. Эту же версию подтвердил и посыл командира русов, чей разговор с владельцем злачного заведения был подслушан соглядатаем. И первый разговор и второй, когда посылу сообщили, что юные гости намерены задержаться в уютном местечке надолго.

Соглядатая это не удивило. Молодость полна сил и желаний. А денежки у русов, судя по всему, водились.

Соглядатай купил большую сырную лепёшку и устроился в тени, поближе к фонтану, приготовившись к долгому ожиданию.

Не ведая о том, что его «подопечных» нет уже не только в борделе, но и в городе.

Глава 3, в которой два отрока варяжской дружины становятся ценным товаром

Славный парень Машег. Но хлипкий. В себя пришёл, когда их уже затащили на корабль и скинули в трюм.

Нет бы очухаться по дороге и дать всем жару, поскольку связать его нехорошие парни даже не потрудились. Загрузили в повозку, накрыли холстиной и поехали.

– Дерьмо червивое свинячье! – раздался из темноты Машегов голосок. – Я ослеп?

– Ты осёл, – сказал Сергей. – И я тоже.

– О-ох! Голова сейчас треснет, – пожаловался хузарин. – Где это мы?

– В дерьме, – буркнул Сергей. – Свинячьем. В виде червяков. Ползи сюда и развяжи меня.

Машег шевельнулся, охнул, выругался, но всё же пополз на звук и через полминуты сумел отыскать Сергея в трюмном мраке.

– А чего это ты связан? – спросил он, пытаясь распутать туго стянутые ремни.

– Того, что похитили нас.

– Зачем? Ох! Сколько ж я выпил вчера! Никогда у меня так башка не болела. Сколько б...

– Тебя по ней ещё и треснули от души, – сообщил Сергей. – А украли нас, чтобы продать.

Не мучайся! У меня к ноге ножик привязан. Достань и разрежь.

– Продать? – Машег нащупал ведунский ножик, и дело освобождения пошло веселее. – Выкуп хотят, что ли?

– Нет. Просто продать. В Византии.

– Как это? – Машег от удивления даже резать перестал.

– Как рабов. Ты ж такой красавчик, – не удержался он от шпильки. – Таких богатенькие ромеи любят. Или ромейки. Тут уж как повезёт.

– Ромеи, значит...

– Ага, – подтвердил Сергей, разминая кисти.

Машег отдалился шагов на десять, и оттуда раздалось негромкое журчание.

– Как это было? – спросил он.

– Тебя треснули по голове, а меня взяли сетью, как глупую рыбу.

– Зато у тебя голова не болит!

Сергей в очередной раз отметил, что друг во всём умеет находить позитив.

Подумалось: Машег чем-то похож на него. Вернее, на Сергея, которым тот был в начале своего пути по дороге мечей. Ну, или будет лет через десять, когда станет постарше.

Сергей хмыкнул. Вот же ерунда лезет в голову.

Итак, что у них в перспективе?

Судно он толком рассмотреть не успел, но примерно представлял, как оно выглядит. Метров двадцать длиной, с косой реей под парус, который позже назовут латинским. Просторный трюм, экипаж – человек тридцать-сорок, не больше. Этаким плавучий сундук, но с относительно неплохими для сундука мореходными качествами.

И они всё ещё в гавани Херсона. И это, наверное, хорошо, потому что в море бежать некуда, а здесь – есть.

– Тут бочки, – сообщил Машег. – Полные. А я пить хочу.

– Не думаю, что они перевозят воду. – Сергей поднялся и двинулся вперёд, вытянув руку. – А вина тебе точно довольно.

– Не думаю, что это вино, – возразил Машег. – Ты сказал: нас хотят продать ромеям, а вина у ромеев своего хватает.

Трюм оказался заполнен менее чем на треть. И ничего, что можно было бы использовать как оружие. Какие-то тюки, бочонки, о которых говорил Машег.

Что привлекло внимание: колодки. Двадцать семь штук. Похоже, Машега с Сергеем ромейские торговцы прихватили не просто так. Ничего личного, просто бизнес.

Нет, Сергею известно, что двуногий товар – серьёзная статья древнерусского экспорта. Да, сам Сергей относился к работорговле отрицательно, и в списке товаров торгового дома «Духарев и сыновья» этого раздела не было. Но он точно знал: любой человек этой эпохи при определённых обстоятельствах может стать имуществом. На своей шкуре испытал. Правда, есть один важный нюанс: не всякий согласится таким имуществом стать. Да и иметь в рабах человека, обученного убивать своих ближних, всё равно что держать в спальне медведя. Воин тоже может приносить пользу в качестве раба. Прикованным к галерному веслу. Или в качестве так называемых боевых холопов. Но эти уже не совсем рабы. Они что-то вроде наёмников на договоре.

Вопрос: почему при наличии спецсредств для перевозки рабов Сергея с хузарином не упаковали надлежащим образом?

Ответ: да пофиг.

Важнее понять, как действовать дальше. Без оружия им с Машегом против взрослых бойцов ловить нечего. Силёнки не те.

– Здесь должен быть хотя бы один люк, – сказал Сергей.

– Звучит разумно, – Машег рассмеялся и тут же зашипел. Видимо, голова о себе напомнила.

Трюм был глубок. Никак не меньше пары метров. Во всяком случае, дотянуться до верха у Сергея получилось, только взобравшись на пустую бочку. Он начал прикидывать, сколько времени понадобится на то, чтобы таким манером ощупать всю нижнюю часть палубы, но пока он думал, Машег, начавший осмотр с кормы, нашёл люк. Небольшой...

И накрепко задраенный.

Нельзя сказать, что это стало для Сергея неожиданностью.

Он даже не особо расстроился. Попытался пропихнуть нож в щель. Не получилось. Крышка люка была подогнана идеально. И доски крепчайшие. Такие расковырять – не один час понадобится. Лучше подождать, пока кто-нибудь не придёт проведать пленников.

– Это хорошо, что люк маленький, – сказал он хузарины. – Сначала спустится кто-то один...

– ...И у нас появится оружие! – завершил Машег.

Время шло, но наверху по-прежнему было тихо. Довольно долго.

Сергей даже задремал, понадеявшись, что шум наверху он точно не проспит.

Так и вышло. Шум он не проспал. Такое проспать непросто. По палубе затопали десятки ног, крики, скрип, скрежет...

– Забегали, – проворчал Машег. – Как суслики, которым в нору конь нассал.

А потом корпус судна качнулся раз-другой, и Сергей понял: кораблик отошёл от причала. Запела вода по ту сторону обшивки.

Похоже, удача в очередной раз продемонстрировала им выразительную попку.

Глава 4, в которой судьба преподносит друзьям приятный, хотя и сомнительный подарок

Прошло ещё не менее часа, прежде чем крышка люка откинулась.

Сначала вниз упал круг света, а потом – верёвочная лестница.

Дождались.

Сергей приготовился, Машег – тоже.

Пусть весят они немного, но дружный рывок наверняка сбросит вниз того, кто будет спускаться. Потом завладеть оружием, и следующего можно встретить уже не голыми руками, а железом.

Отличный план. Но он рухнул, когда в проёме возникли две босые ноги и массивная задница в серых штанах.

Нет, рывок сработал и сбросил обладателя штанов вниз. Но оружия при нём, увы, не оказалось. Простой моряк с простым ножом на поясе. Зато с большой флягой, полной воды.

– Муд, ты там живой? – крикнули сверху.

Муд промолчал. Мало того что, падая, он смачно приложился головой, так ему потом пустым бочонком по голове добавили.

– Муд! – В люк заглянул ещё один моряк. Увидел недвижимое тело, вернее, нижнюю часть его. Остальное пряталось в тени. Равно как и Сергей с Машегом.

Было бы идеально, если бы этот тоже полез вниз. Но ромей, или кто он там, оказался умнее. Или осторожнее. Или, напротив, слишком туп, чтобы принимать самостоятельные решения. Потому что вниз он не полез. Зычно завопил, призывая «руководство».

«Руководство» явилось. И властным голосом велело горластому лезть вниз.

И тот полез, разумеется...

...Чтобы через минуту почувствовать лезвие ножа у горла.

– Крикни, что он живой, но ударился головой, – прошептал Сергей по-ромейски.

Левой рукой, для надёжности, он держал моряка за сальные волосы. Тот хрипло дышал. Косил одним глазом на руку с ножом, другой закрыла съехавшая на лицо головная повязка. Вырваться ромей не пытался.

– Кричи, что тебе одному его не поднять.

– Живой! – хрипло каркнул моряк. – Башкой треснулся! Тащить его надо!

– Глянь, что с птенцами! – распорядился властный.

– Лежат! – через некоторое время по знаку Сергея крикнул моряк.

Потеть и трястись он перестал. Увидел, что держит его мальчишка, и наверняка начал строить планы противодействия.

– Даже и не думай! – посоветовал Сергей. – Я воинов убивал, а тебя выпотрошу, как овцу.

Моряк не был трусом, но человеком бывалым. Потому поверил: мальчишка не врёт. Убивал. Умирать же – не хочется.

– Зовут как?

– Хина.

– А скажи мне, Хина, почему вы из Херсона ушли? – Сергей решил, что сейчас самое время для допроса.

– Капитан велел.

Исчерпывающий ответ.

– А куда идёте?

– Не знаю, – и, угадав недовольство Сергея, добавил поспешно: – Должны были в Константинополь. Но теперь – вряд ли.

– Почему? – спросил Сергей, хотя об ответе уже догадывался.

– Товара нет, – сообщил моряк. – Товар живой должны были здесь взять, загрузить сегодня, а вот...

Вопрос: почему?

Моряк не знал ответа.

А вот Сергей догадывался.

Причина в них с Машегом.

Чёртов константинопольский работорговец ухватил кусок не по зубам.

Хотя в данном конкретном случае «куску» всё равно.

Вот если бы они оставались в Херсоне, тогда да. Тогда даже фемный стратиг, не выказавший особой симпатии к посольству русов, вынужден был бы сказать своё веское. Ведь одно дело – не выказать симпатии, а совсем другое – недвусмысленные враждебные действия по отношению к тем, кого он официально объявил гостями.

Не исключено, что стратиг, поразмыслив, всё же решит наехать на Самкерц. Но причиной тому будет собственное решение стратига, а не маленький грязный бизнес какого-то работорговца. За такое Вога шкуру с купчишки сдерёт и, набив соломой, отправит в Самкерц в качестве извинения.

Однако они не в Херсоне. А здесь, на судне, командует как раз этот купчишка.

В проёме появилась ещё одна пара босых ног.

И нижняя часть туловища...

Чёрт! Нижняя часть опять без нормального оружия! Хоть бы топорик какой...

Машег приготовился к броску. Двух пленников им не удержать. Второго придётся валить. И сразу. Плохонький трофейный ножик – не меч. Это только кажется, что ножом убить просто. Тем более сразу. Одним ударом и чтоб не вякнул. А что потом – и вовсе непонятно...

Но непонятное наступило без их участия.

Кто-то на палубе невнятно заорал, и второй моряк спуск прекратил. А через мгновение шустренько выскочил обратно на палубу.

– Хина! – рявкнули сверху. – Наверх!

Моряк зыркнул на Сергея. Тот мотнул головой: сидеть.

К счастью, проверять выполнение команды начальственный не стал. Наверху засуетились, заорали. Судя по командам, корабль срочно менял курс.

– Лёг мордой вниз, – велел Сергей моряку. Кивнул Машегу: присматривай. А сам осторожно полез наверх. Люк ведь так и остался открытым.

Через отверстие была видна крыша палубной надстройки, защиты от дождя в спокойную погоду и от солнца – когда оно высоко.

Сергей подумал немного, потом сдёрнул повязку с головы Хины, намотал на свою и осторожно выглянул из люка.

Никто Сергеем не заинтересовался. Но и сам он никого не увидел. От кормы его отделяла стенка надстройки, и, похоже, весь экипаж судна сейчас собрался там, на корме.

На носу и средней части палубы⁶ – ни одного человека. Снастями никто не занимался. Ветер был не особо силён, но парус наполнял. Тем более что судно шло строго по ветру.

Сергей сместился немного вправо. Увидел кормчего, который хоть и держал весло-правило, но глядел не вперёд, а назад.

А рядом с кормчим – ещё двоих, один из которых затягивал ремни на броньке второго. Бронька была средненькая, кожаная с нашитыми сверху железками.

⁶ Возможно, кому-то привычнее традиционные голландские термины вроде бака, шкафута и т. п., но там, где их можно не применять, я их применять не буду, дабы не множить анахронизмы. Хотя кое-где всё же придётся. Краткости ради.

Сергей сопоставил увиденное и сделал однозначный вывод: ромеев кто-то преследует. Первая мысль – восторженная. За ними гонятся друзья-варяги.

Но Сергей её сразу же отмёл. Если бы за работорговцами гналась варяжская лодья, они бы сейчас не готовились к бою, а покорно ждали возмездия.

Сдвинувшись ещё на четверть метра, Сергей увидел остальных моряков. Да, работорговцы намеревались принять бой. Облачались, опоясывались, накидывали тетиву на луки, разбирали щиты, топоры и тесаки.

Кормчий развернулся, глянул вперёд (Сергей присел), и снова уставился на неизвестных преследователей.

Неплохо бы выяснить, кто представляет вторую сторону в будущей драке. И какой её результат будет лучшим для Сергея и Машега?

Сергей выскользнул из люка и укрылся за канатным ящиком.

Отсюда вид был получше, но только на корму. Преследователя или преследователей не разглядеть.

Сергей рискнул: ухватился за штаг грот-мачты, вспрыгнул на борт, а оттуда – на крышу палубной надстройки.

И наконец увидел преследователя.

Вернее, преследователей.

Местные морские разбойнички мелкого пошиба. Две шестивёсельные лодки, набитые бравыми парнями, явно намеренными познакомиться с экипажем торговца поближе. И у них это наверняка получится, потому что ветерок – так себе, а вёсел у торговца всего два. Да и те не для гребли, а для рулёжки.

А у преследователей вёсел хватает, и работают они весьма бодро.

Нынешнее отменное зрение Сергея позволило оценить вооружение пиратиков. Оно было еще хуже, чем у ромейских торговцев. Даже шлемы были далеко не у всех.

Однако в каждой лодке было никак не меньше двух десятков искателей чужого имущества, а значит, если не качественно, то уж количественно пиратики превосходили.

В принципе, ситуация не такая уж плохая. Когда начнётся драка, можно попытаться удрать. До берега метров пятьсот, не больше. Можно и вплавь, но лучше захватить одну из пиратских лодок, когда её экипаж ринется на абордаж.

Минусы подобного варианта: можно запросто поймать шальную стрелу или схлопотать удар топором от представителя любой из сторон, поскольку и для ромеев, и для пиратов Сергей с Машегом – чужие.

Ещё один вариант: добыть что-то посерьёзнее ножа и включиться в бой на стороне пиратов. Однако не факт, что те – оценят.

Сергей знал из прошлого опыта, что такие прибрежные грабительские ватажки формируются в основном по родовому принципу. Стоит себе такая мирная рыбацья деревенька, чьё население ни в чём дурном властями не замечено. А не замечено только потому, что ничего и никого заметного после нападений не остаётся. Чужих такие не жалуют и даже выкупом их не соблазнить. Нарушение конспирации.

Третий вариант: забыть о том, что нехорошие ромеи их похитили, и выступить на стороне обороняющихся. А потом потребовать пересмотреть условия, так сказать, содержания.

Был ещё четвёртый вариант. И этот нравился Сергею больше всего. Не выступать ни на чьей стороне, пока не определится потенциальный победитель. И тогда уж – по обстоятельствам.

С этой мыслью он спустился на палубу и нырнул в люк.

...А в трюме тем временем на одного живого стало меньше.

Морячок Хина лежал на спине, и кровь широкой полосой струилась по его загорелому торсу.

– Он хотел на меня напасть, – пояснил Машег.

Сергей кивнул. Молоденький хузарин ни при каком раскладе не мог скрутить здоровенного моряка. А вот ударить тому в сердце, быстро и точно, это легко.

Выслушав новости, Машег задал один-единственный вопрос:

– Оружие?

– Драка начнётся – найдём, – ответил Сергей.

Пытаться отыскать что-то сейчас вряд ли получится. Всё стоящее перед боем разобрали. Включая плотницкие топоры.

– Наверх? – спросил Машег.

Сергей кивнул.

Их появление на палубе ничьё внимание не привлекло. Вся команда толпилась на корме.

Лодки пиратов приблизились достаточно, чтобы лучники ромеев начали стрелять.

Машег брезгливо поджал губы. Ромеи ухитрялись промахиваться по лодкам с дистанции немногим более пятидесяти метров. Но даже если и попадали, толку всё равно не было. Преследователи умело прикрывались большими прямоугольными щитами, такими уменьшенными вчетверо подобиями мантилетов.

Когда расстояние между лодками и судном сократилось метров до сорока, пираты тоже начали стрелять. Столь же «успешно», как и ромеи. Большая часть стрел летела выше цели, поражая стену надстройки, парус, палубу и то, что на ней. От более метких ромеи прикрывались щитами или спрятались за фальшбортом. То есть, пока для ромеев всё выглядело неплохо, но оценив ситуацию с позиции многоопытного военачальника, Сергей понял, что поле боя останется не за экипажем работаровца. Следовательно, выступить надо было на стороне ромеев. Но не сразу, не сразу...

На абордаж пираты пошли грамотно. Одна из лодок немного сбавила ход, пристроившись позади и немного левее. Другая зашла справа, обогнала и начала заходить сбоку. Большая часть ромеев тут же кинулась к правому борту. На корме осталось около десятка моряков, которые больше прятались от стрел, чем давали отпор. Активность проявлял только один пращник, но его ядрышки в основном падали в воду. Праща – не лучшее оружие для такого боя.

А вот копья – другое дело. Если пираты решат пойти на абордаж, то копья ромеев доставят им, бездоспешным, со щитами, заброшенными за спину, или вообще без щитов... В общем, доставят.

Однако лодка у кормы держала дистанцию.

А вот та, что справа...

– Сейчас рванут, – сказал Сергей. – Не туда смотришь. Это обманка.

Не ошибся. Лодка, зашедшая справа, сунулась было к судну и тут же шарахнулась, и несколько брошенных ромеями камней, разовых якорей, надо полагать, булькнули в море.

А вот вторая лодка тем временем ускорила, выиграла сразу метров двадцать и притёрлась к левому борту. И вверх полетели «кошки».

Ромеи на корме завопили.

Ромеи с правого борта дружно кинулись налево. Благо бежать недалеко. Меньше десятка шагов.

Тем не менее, выигранные полминуты позволили полудюжине пиратов перемахнуть через борт, перебросить повешенные за спину щиты в боевое положение и образовать подобие строя.

Однако развить успех у пиратов не получилось. Подоспевшие ромеи, те из них, кто был экипирован получше, прижали их к борту и, несомненно, прикончили бы, если бы...

– Бестолковый у ромеев вождь, – заметил Машег.

И был прав. Вся толпа ромеев, включая и тех, кто пасся на корме, оказалась у левого борта. У правого осталось шесть человек.

А ведь первая лодка никуда не делась.

И пропускать веселья не собиралась. Массированный залп из стрел и дротиков обрушился на скудную кучку защитников и вывел из строя большую часть. Четверых. Двое последних уцелели только потому, что укрылись за фальшбортом и оставались там, пока их не прикончили взобравшиеся на судно пираты. Прикончили – и сразу устремились на помощь своим, а на борт тем временем вскарабкались пиратские стрелки. Четверо. Один взялся крепить конец от лодки, а трое поспешили занять тактически выгодную позицию: крышу надстройки.

Призом самому проворному был ведунский нож Сергея, воткнутый в шею. Второго, перевалившегося через край навеса, ожидал аналогичный «подарок».

А вот Машег поспешил. Резанул раньше, чем пират оказался наверху. Хорошо хоть, перед тем, как пустить в дело нож, Машег ухватил морского разбойника за волосы. Еле удержал, а затащить пирата наверх смог только с помощью Сергея, которому тоже пришлось поднатужиться. Времена, когда Сергей одной рукой мог поднять за шкурку мужчину среднего телосложения, к сожалению, прошли. Ну или пока не наступили.

В итоге оплошность Машега осталась без последствий, а в распоряжении друзей оказались три лука и около сотни стрел невысокого качества.

Первый выстрел достался пирату, который привязывал лодку. Он как раз закончил дело. Вторая и третья стрелы отправили на ту сторону вечности двоих пареньков, оставшихся в лодке. Совсем молоденьких, немногим старше Машега. Ничего не поделаешь. Война – дело такое. Как только берёшься за оружие, пол и возраст перестают иметь значение. Во всяком случае до тех пор, пока не разоружат, а на это времени у друзей точно не было.

– Эй, погоди! – придержал Сергей Машега. – Кого бить собираешься?

– Да всех! – азартно воскликнул хузарин.

– Давай-ка побережём стрелы. Они пока и сами неплохо справляются.

А ромеи и впрямь справлялись неплохо. Они больше не бегали туда-сюда, а отступили к корме и собрали строй. Так себе строй. Пара нурманов порвала бы его в секунды. Но атаковали их не нурманы, а деревенское ополчение, возмнившее себя бойцами, так что драка на палубе даже приостановилась на какое-то время.

Надо полагать, пираты ожидали помощи от своих стрелков...

А дождались стрел и пращных ядер.

Впрочем, обстрел быстро прекратился. Боезапас ромеев иссяк. Праща, в отличие от лука, в отношении расходников неприхотлива. Простой камень тоже сгодится. Но камней на корабельной палубе острый дефицит.

Обстрел прекратился, но идти в решительную атаку пираты не спешили.

– Чего они ждут? – забеспокоился Машег, которому было непонятно, как можно вот так взять и не довести дело уничтожения врагов до победного финала.

А вот Сергей отлично понимал, почему так. Это воинский менталитет предполагает готовность к смертельному риску ради победы. Разбойничий же добровольного смертельного риска не предусматривает. Мертвецам плодами грабежа не насладиться. Хотя строгую границу между воином и грабителем Сергей провести бы не взялся. Даже братья-варяги пограбить не откажутся, если выпадет такая возможность. Другое дело, что, начав бой, и варяги, и нурманы колебаться не станут.

– Ты глянь: они в трюм полезли, – в очередной раз удивился Машег.

Сергей усмехнулся. Разбойничков ждёт сюрприз. Трюм-то пустой практически.

– Лишь бы к нам сюда не вскарабкались, – ответил он.

– А пусть! – Машег предвкушающе оскалился. Теперь, с луком в руках, он чувствовал себя воплощением Перуна. Ну или их хузарского бога, который тоже наверняка молниями во врагов пошвыряться любит. Да и кто не любит, если есть возможность.

Сергей помотал головой. Похоже, мальчишка в нём опять норовит взять верх над воеводой.

А как оценивает текущую ситуацию воевода?

А воевода считал, что командование обеих сторон – никудышное. Не бой, а драка какая-то. Никто ничего не видит дальше длины копья.

Оппаньки! Ромеи решили перейти в наступление. Строй относительно дружно сделал полшага вперёд, и замешкавшийся разбойник схлопотал рубящий по ноге, а потом – по шее.

Пираты возмущённо заорали и кинулись в контратаку. Ну, как кинулись? Те, у кого были щиты, даванули навстречу. Храбро, но неразумно, поскольку, несмотря на численное превосходство, контратаковали не строем, а толпой. Зато их было больше. Грохот, рёв, вопли... В правильном бою ромеев бы не просто отодвинули – смяли. Но бой был неправильный, и экипаж судна отступил на шаг, не дальше. А потом пираты отхлынули, оставив троих. Хлипкая вторая линия ромеев отработала по полной. В тесном строю, в давке, когда даже руку с оружием поднять проблемно, не то что ударить или толково защититься, копьё второго ряда собрали с одетых в основном в кожу и тряпки пиратов очень неплохой урожай.

И тут наконец-то лидер разбойников сообразил, что лёгкой победы не будет.

– Высерки крысиные! Стоять, держаться! Стрелки, ко мне, ежей вам во все дырки! Сюда, живо!

Ростом лидер оказался невелик, но голос – знатный.

Свои слышали. Чужие – тоже. Один из ромеев метнул стрелу, которую пиратский главарь отбил точным движением щита. Похоже, у него не только разбойничий, но и воинский опыт имелся.

– Машег, рано! – Сергей ухватил друга за плечо, не дав выстрелить.

Прийти на помощь ромеям надо тогда, когда их положение станет совсем безнадёжным.

А что лидер ромеев?

У них, похоже, лидеров целых два. Если судить по качеству доспехов. Причём один держится позади, рядом с кормчим, и рожа у него знакомая. Толстяк, организовавший похищение. Только вместо щегольского плаща на нём теперь неплохого качества пластинчатая бронька и конический шлем.

А вот второй ромейский лидер, экипированный не хуже толстяка, в круглом шлеме с бармицей из кольчужной сетки, в тылу не отсиживался. Рубился в первой шеренге, и хорошо рубился. Чужой кровью заляпан от сапог до шлема. О командирской работе он тоже не забывал. То и дело рычал грозно: «Строй! Держать строй!» Только, в отличие от пиратского атамана, орал он не по-словенски, а по-ромейски.

В общем, серьёзный воин. Такой полудюжины обычных стоит. А вот если его свалить, то боевой дух ромеев наверняка упадёт. Но сделать это непросто. Со своей позиции Сергей видел только шлем, ещё недавно серебристый, а теперь – в кровавых потёках, железные наплечники и край щита.

– Стрелки! – вновь взревел морской атаман. – Гад, Прут, Лыбок! Чтоб вам черви печёнку выели! Сюда!

Кто-то из своих ухватил лидера за кольчужный рукав, крикнул что-то в ухо. Лидер заозирался, потом задрал голову, глянул вверх и встретился взглядом с Сергеем.

Не повезло.

Атаману тоже.

– Машег, бей!

И оперение стрелы возникло там, откуда только что пялился удивлённый глаз.

– Теперь ромея в лучшем шлеме!

Важный ромей, стоявший рядом с кормчим, отшатнулся, ухватился за бороду, вернее, за хвостовик стрелы, пронзившей шею...

– Другого, того, что в строю!

Этого Сергей сам бы точно не достал, но у Машега получилось. Потому что первую стрелу он послал в заведомо неуязвимую цель – налобник шлема.

Голова ромея дёрнулась, а потом он совершил фатальную ошибку: решил посмотреть, откуда прилетела стрела. И через полсекунды получил вторую. В переносицу.

И упал.

И в ромейском строю образовалась брешь.

Оставшиеся без лидеров моряки оказались менее расторопны, чем потерявшие лидера пираты.

Впрочем, последние могли и не знать, что лишились вождя. Зато дырку во вражеском строю заметили сразу. И возможности не упустили. Сразу трое ломанулись вперёд, и через полминуты от ромейского строя ничего не осталось. Бой превратился в неорганизованное рубилово, где преимущество пиратов, которых было минимум вдвое больше, было неоспоримо.

Вот теперь самое время уравнивать шансы.

Хузарин, впрочем, их уже уравнивал. Встал во весь рост на краю навеса и косил всех. И пиратов, и ромеев, выбирая тех, у кого экипировка получше.

Воплощённая смерть чуть выше полутора метров ростом.

– Машег, ромеев не надо! – крикнул Сергей по-хузарски, посылая стрелу в спину одного из двух пиратов, вознамерившихся прикончить ромейского кормчего. – Они пригодятся!

Ещё две стрелы мимо, а вот третья попала в цель, продырявив второму пирату правое плечо. Кормчий тут же воспользовался ситуацией и обрушил тесак на голову раненого. Шлема на том не было, волосы же – плохая защита от железа. Пират свалился, а кормчий, сообразив, откуда прилетела стрела, глянул наверх, махнул Сергеем окровавленным тесаком, подхватил с палубы чей-то щит, добил мимоходом того, кому стрела попала в спину, и бросился на помощь здоровенному моряку, отмахивающемуся отседающих врагов сажённым обломком весла.

Когда в колчане Сергея осталось чуть больше десятка стрел, бить стало некого. Трое пиратов, успевших сообразить, что удача не на их стороне, попытались уйти на второй лодке. Они даже сумели её отвязать и отвалить от борта. Но взяться за вёсла уже не успели.

– Спускаемся, – скомандовал Сергей, и друзья съехали на палубу по опорным столбам навеса.

Палуба была завалена трупами. Настоящими и будущими. Ромейский кормчий, принявший на себя командование поредевшим экипажем, первым делом отдал приказ добить вражеских подранков.

– Вы откуда взялись? – проворчал он по-хузарски, с недоверием уставившись на парней.

– Твой хозяин, голова медная, решил нас украсть, – по-ромейски ответил Сергей. И чтоб не осталось непонимания, сообщил: – Я – родич князя варяжского Вартислав, а он – Машег, сын Захариаха из рода Рузиёв. – Твой старший совсем ум потерял. А теперь и с головой вместе.

– Не, – мотнул головой кормчий. – Старший мой живой покуда. Но вряд ли выкарабкается. Как из него стрелу тащить, ума не приложу.

– А давай я гляну, – предложил Сергей. – Врачевать умею немного.

– Глянь, – не стал возражать кормчий. – Это... Что было, прошло. Выручили вы нас. На свободу вашу больше никто не посягнёт.

Сергей и Машег засмеялись разом.

Ромей смутился. Понял: глупость сказал. Эти мальчишки положили куда больше врагов, чем у него осталось людей.

– Ну, где он, твой хозяин?

– Да вон он сидит.

Точно. Сидит. А увидав Машега, тут же попытался встать. Дёрнулся, замычал. Лидер ромеев не забыл, кто его ранил. Вот только сказать об этом не мог. Стрела вошла относительно неглубоко, но нёбо проткнула. И язык, похоже. Ну и переносицу разворотила с носоглоткой.

– Держать его надо будет, – сказал Сергей кормчему. – И инструмент какой-нибудь – наконечник у стрелы скусить.

Через пять минут, несмотря на бурную жестикуляцию, лидера работорговцев крепко взяли четверо подчинённых, распяли ему пасть деревянной рамкой, после чего Сергей засунул внутрь ножницы, коими на судне резали тросы, и без особого труда перекусил тонкий черенок стрелы. После чего пальцами выдернул из языка ромея наконечник.

– Нагните его немного, не то кровью захлебнётся, – посоветовал он. И сильным рывком выдернул стрелу.

Тут ромею повезло. Потерял сознание.

Так, не приходя в себя, и умер.

Сергей другого и не ждал. При такой потере крови не живут.

– Легко ты его отпустил, – сказал потом Машег. – Шкуру бы с него сдёрнуть за то, что нас, как жеребят, повязал.

Впрочем, к этому времени они оба знали, что украсть их придумал не капитан, которому Сергей пустил кровь при активном участии команды, а собственно судовладелец: толстяк, который большую часть боя проторчал в относительной безопасности рядом с кормчим, но всё же получил лёгкую смерть в виде Машеговой стрелы.

Теперь оставались сущие пустяки: каким-нибудь образом вернуться обратно в Херсон.

Глава 5, в которой Сергей с Машегом узнают, что их бросили

Способных к матросской работе на судне осталось семеро. Считая кормчего и Сергея, который выразил готовность помочь, если потребуется.

Ещё с десятков имели шансы на выздоровление.

Так решил кормчий. Звали его Петром, и вёл он себя подобающе: сразу порешал, кто достоин рая, а кто нет. Тех, кого он счёл достойным, добили и отправили за борт. Отмучились, так сказать. Остальным оказали посильную медицинскую. В соответствии с суровыми нравами Средневековья.

Но особую твёрдость кормчий проявил в вопросах финансовых: забрал все деньги, которые нашли на покойниках, в корабельную казну. Пообещал, впрочем, что по прибытии в порт выдаст выжившим премию на «повеселиться».

По прибытии. А здесь, в море, деньги ни к чему.

Сергей с Петром вроде поладили. Сергей не претендовал на добычу, ограничившись кое-каким оружием и одеждой, пообещал не предъявлять претензий по поводу похищения и помочь с продажей корабля. В том случае, если они доберутся до Самкерца. Кормчий полагал, что это возможно. Припасов точно хватит. А вот воды – маловато. Было бы недурно причалить куда-нибудь и запастись. Тем более раненым воды много надо.

Места, в которых можно разжиться водой и свежими продуктами, кормчий знал. Но соваться в эти прибрежные селения побаивался. Опасался: как бы местные не искусились малочисленностью экипажа. Заверения Сергея, что они с Машегом с парой десятков местных рыбаков могут и вдвоём управиться, его не переубедили. Так что воду они попытались набрать в месте диком и малопригодном для причаливания. Настолько малопригодном, что матросы ухитрились разбить о камни одну из трофейных лодок. И это при относительно спокойном море. Похоже, что в недавней битве выжили далеко не самые умелые из моряков.

Вторая лодка подобрала нечаянных купальщиков и вернулась к кораблю. Повторять высадку матросики категорически отказались. Мол, слишком сильное волнение.

Ага. Почти шторм. Балла на два раскачалось, максимум.

К тому, что сказал по этому поводу кормчий, Сергею добавить было нечего. Однако сделать он ничего не мог. Кроме вывода, что в Херсон зайти придётся. В принципе, их с Машегом такой вариант устраивал. Возможно, это наилучший вариант. Хотелось надеяться, что варяги не ушли в Самкерц без них.

Варяги ушли.

Причём даже и не ждали, как оказалось.

Это пахивало нехорошим. Предательством.

Машег так и заявил. Мол, Войст их попросту бросил.

Сергею поверить в такое было трудно. Он полагал, что-то важное случилось.

В любом случае добираться до Тматорокани друзьям теперь придётся самим.

Что ж, они ведь изначально так и собирались. На ромейском судне. А в Херсон зашли за запасами и пополнением.

Ни с тем, ни с другим проблем возникнуть не должно. В руках кормчего была корабельная казна и немалые средства из кошелёв покойников. Минус незначительная сумма, которую он, как и обещал, выделил шестерым матросам, сходящим на берег, для личных надобностей.

Лучше бы он этого не делал. Глядишь, прожил бы подольше.

Пока Сергей с Машегом искали варягов, шестеро морячков успешно истратили выданную денежку и вернулись за дополнительным финансированием. А получив отказ, решили забрать всё. Зарезали Петра и преданного ему племянника, забрали всю имевшуюся на корабле наличность, кое-что из оружия и свалили, провожаемые возмущёнными воплями раненых товарищей.

Вопли эти привлекли портовую стражу...

В общем, Сергей и Машег решили туда не соваться.

В голову Сергею пришла другая идея. Ход рискованный, но перспективный. Заявиться прямо к стратигу. И попросить помощи непосредственно у главы фемы. Сергей был уверен, что стратиг его признает даже в нынешней посконной одежде. Денег, может, и не даст, но попутным транспортом до Самкерца обеспечит.

Однако путь во дворец стратига оказался перекрыт.

– Печенег! – Сергей, шедший первым, нырнул обратно в проулок, удержав и Машега.

Четырнадцать вооружённых степняков хоровой вольготно расположились около городского фонтана. С лошадаками. Местные жители обходили их вдоль стенок.

Ничего себе! Буквально в ста метрах от резиденции хозяина фемы.

В сознании Сергея для печенегов было всего две градации: враги нынешние и враги будущие. И об этом следовало помнить всегда: ведя переговоры, заключая временные союзы, налаживая торговлю. Был, правда, ещё один вариант: родство по браку. Но даже в этом случае никто не гарантировал, что новые родичи не прирежут зятя за соответствующую мзду. Великое небо такое, понятно, не одобрит. Но если поделиться с шаманами награбленным, то с Небом можно договориться.

Сергей допускал, что он пристрастен. Что есть среди печенегов честные мужи и верные слову вожди. Но вот не любил он копчёных, и всё. Нет, не любил он многих. Нурманов, например, особенно некоторых. Но даже самый коварный викинг был ему всё равно ближе печенега.

Машег смотрел с удивлением. Не понимал. Ну, печенеги, и что? Вряд ли нападут. Здесь город, стража. Резать и грабить не положено. Во всяком случае, на виду. Да у хузар чуть ли не дюжина племён печенежских в союзниках ходила.

Ага! Ровно до той поры, пока не могут ограбить.

А Сергей помнил, как на него напали не в Диком Поле, а в стольном граде Киеве. Где у него, Сергея, был серьёзный статус.

Вдобавок это те самые хоровой. То есть племя, у которого Сергей с Машегом уже побывали в плену. И сбежали они не просто так, а прихватив с собой изрядно печенежского имущества, отправив на ту сторону Вечности несколько десятков степняков.

Вероятность же того, что копчёные обратят внимание на двух паренёков, нацелившихся попасть в резиденцию стратига, весьма высока. И вполне допустимо, что среди копчёных может оказаться кто-то, знающий Сергея и Машега в лицо. И способный опознать, если они привлекут внимание. А это почти наверняка произойдёт, если у Сергея с Машегом возникнут сложности со стражей на входе.

А возникнуть они могут, поскольку вид у обоих не сказать что презентабельный. На воинскую элиту никак не тянет.

– Что скажешь, брат?

Машег задумался и тоже засомневался.

– Того, что сейчас кучу у фонтана навалил, я вроде помню, – проговорил хузарин. – И того, с красным луком. Хотя бородой бы клясться не стал. Да и нет у меня покуда бороды! – хузарин хихикнул. И тут же посерьёзnel: – Ты прав. Не пойдём к ним. Их вон даже местные по стеноккам обходят, а стража в сторону смотрит, словно и не видит, что они с конями своими уже всю площадь засрали.

– Вот и я о том же, – кивнул Сергей. – Может, попозже, когда хоровой уберутся. А сейчас что?

– На рыночек сбегает, пока не стемнело, – сказал Машег. – Пожрём и, может, кого из моей родни отыщем. Они помогут.

– Может, сразу на подворье ваше? – предложил Сергей.

Машег мотнул головой:

– Здесь не Киев. Здесь мне не рады будут. То есть порадуются, но... не по-хорошему.

– Тогда на рынок, – согласился Сергей. – Вот только монет у меня маловато.

– У меня есть, – ухмыльнулся Машег. – Я у того ромея, из которого ты стрелу вынимал, кошель взял. В бою ж взято. По чести.

Поесть удалось, и как следует. А вот найти хузар, благосклонно отнесшихся бы к роду Рузиев, к которому принадлежала семья Машега бар Захариаха, к сожалению, не удалось. Здесь, в Херсоне, не жаловали хузар, не придерживающихся провизантийской ориентации и союзных византийским иудеям.

Поскольку Машег, его папа, дедушка и прочие кровные родственники принадлежали к противоположной партии – родовой хузарской аристократии, то собственный двор в Херсоне был им заказан.

Зато на сытый желудок в голову Сергею пришла некая дерзкая мысль, которой он немедленно поделился с другом.

– Слышь, Машег, как думаешь: почему на ромейском корабле не оказалось нашей одежды и оружия?

– Продали, наверное?

– Или оставили там, где нас взяли?

– А где нас взяли, там...

– А пойдём глянем: не ушли ли печенеги?

Печенеги не ушли. Поужинали плотно от щедрот городских властей. Расстелились прямо на площади и шумно отдыхали. С выпивкой и девками. Местные им не мешали. В обоих смыслах.

У входа во дворец страига маялся отряд стражи с десятником во главе. С факелами.

Зато вход в элитный бордель, где так неуважительно обошлись с Сергеем и Машегом, был погружён во тьму. Оба светильника у дверей погашены.

Впрочем, в гнездо платного разврата можно было попасть не только с площади, которую оккупировали степняки, но и с чёрного хода. Метровая щель между заборами вела к низенькой дверке в глухой стене, через которую в увеселительное заведение, надо полагать, попадали клиенты, которые стеснялись войти через главный вход. И тот факт, что в тесном проулке не воняло продуктами человеческой жизнедеятельности, говорил о том, что чёрным ходом пользуются и за его чистотой присматривают.

Предложенный Машегом план – пойти и постучать в дверь – Сергей отверг. Вряд ли эта дорожка – для случайных посетителей. Скорее для постоянных клиентов, не желающих афишировать свои визиты. Очень сомнительно, что их с Машегом вот так запросто впустят внутрь.

Разумнее подождать очередного ночного визитёра и сесть ему на хвост.

Минус: на входе наверняка охранник. И скорее всего, будет не один. Учитывая же узость проулка и входа, перекрыть доступ и захлопнуть дверь перед носом незваных гостей – вообще не проблема. Небось так и задумано хозяином борделя.

– А если сверху?

Оба помнили, что в заведении имелся небольшой внутренний двор, попасть в который можно было не только через двери, но и спрыгнув с крыши.

Крыша, надо думать, в доме черепичная, а не соломенная, так что есть надежда, что выдержит.

– Давай-ка, – Сергей присел, и Машег взобрался ему на плечи.

Немного не хватило высоты, но не страшно. Сергей подставил ладони и выпрямил руки. Хузарин, конечно, мелкий, лёгкий, но Сергей покуда не атлет, так что получилось непросто.

Но получилось. Машег вскарабкался на крышу, сбросил верёвку, и Сергей в три секунды взобрался наверх.

Одна из черепиц кровли оказалась с «окошком»-продухом, а не плоской, как другие. Неплохо, надо отметить, придумано. Этакая полусфера с небольшим, сантиметров пятнадцать в поперечнике отверстием, под которым даже имелся бортик. Надо думать, чтобы внутрь дождевая вода не попадала.

Из «окошка» пахло едой и доносились голоса. К сожалению, слишком тихие, чтобы что-нибудь разобрать.

Ползком по крыше – в сторону внутреннего двора. Галерейка, какие-то сараи, коновязь. Колодец посередине. Скамеечка под навесом. Оттуда слышны голоса. Чириканье, хихиканье... Девчонки.

Скорее минус, чем плюс. Мужчин можно и убить. А профилактически перестрелять девушек моральный кодекс Сергея не позволяет. Так что спрыгни они сверху, визгу будет...

– Варт...

Наблюдавший за проулком Машег засёк гостей. Двое. Один – с факелом. Похоже, слуга. Второй точно клиент. Вон как важно вышагивает.

– Не стреляй сразу, – сказал Сергей взявшемуся за лук Машегу. – Я кое-что придумал...

Двое вошли в переулок. Слуга – впереди. Он же и постучал.

В двери открылось окошко, и тут же грянул засов. Скорее всего, клиент был знакомый.

Слуга посторонился, пропуская хозяина...

– Стой на месте, баран, – негромко произнёс Сергей по-печенежски, стараясь, чтобы голос прозвучал хрипло и грозно. – Не то стрела тебе в брюхо.

Понимал ли любитель платного секса язык степняков, неизвестно. Но среагировал правильно. Замер. И слуга тоже. Но, в отличие от хозяина, рискнул посмотреть вверх.

И увидел в полутора метрах над собой изгиб лука и наконечник стрелы.

И сильно расстроился.

Настолько, что бросил факел наземь и метнулся прочь из проулка.

Дверь открылась, и наружу выдвинулся привратник. Или охранник. В общем, здоровенный муж с увесистой дубинкой.

– Чего это он? – спросил привратник у гостя.

И наклонился, чтобы свободной рукой поднять упавший факел.

– Вали его, – по-хузарски бросил Сергей.

В мощный загибок охранника ударила стрела, и тот рухнул прямо на факел.

Ночной гость проявил похвальную сдержанность: не заорал, а молча попятился, прижавшись к стене.

– Сними пояс и беги, – по-печенежски приказал Сергей.

Не понял.

Пришлось повторить то же по-ромейски. Не забыв про печенежский акцент.

Теперь дошло.

Клиент расстегнул пряжку, уронил пояс со всем, что на нём было, и дёрнул вслед за слугой.

Сергей спрыгнул с края крыши на тело привратника. Так получилось потише.

От трупa тянуло горелым мясом. Факелом прижарило.
Сергей заглянул в дом.
Знакомый по прошлому разу коридор. Пара светильников.
И никого.
Удачно получилось.

Машег тоже спрыгнул. У него вышло погромче, потому что на землю, а не на тушу привратника. Спрыгнул и тут же взял коридор под прицел.

Сергей поднял брошенный любителем платного секса пояс. Кинжал, какие-то ключи и увесистый кошелёк, который Сергей тут же прицепил к собственному поясу. Кинжал – в руку. Баланс так себе, но резать и колоть – нормально.

В прошлый раз они вошли не отсюда. Но строение типовое, и дом относительно невелик. Так что Сергей уже прикинул, где находятся покои, в которых они развлекались четыре дня назад. Где кухня, Сергей уже знал и предположил, что это крыло дома – для слуг. Ну и для наиболее скромных посетителей.

С площади донеслись вопли на печенежском. Не поймёшь, то ли степняки чему-то радовались, то ли наоборот.

Но друзьям шум на руку.

Первая дверь...

Никого. Две циновки на полу. Сундук. Копьё в углу, кистень, подвешенный за цепочку. Хороший кистень. Пригодится. И копьё не помешает. Комната привратника?

Следующая пара дверей вела в крохотные клетушки с весьма скудной обстановкой. Судя по запаху, здесь обитали труженицы секса.

Четвёртая дверь...

Четыре спальных места. Три свободны, четвёртое – корзинка. В корзинке спал ребёнок лет двух от роду.

Пятая дверь – на кухню. Из-за двери – голоса. Женские и один мужской.

Сергей рывком распахнул дверь...

Три бабы и мужик.

Сергей приложил палец к губам.

Вышло доходчиво. Надо думать, потому, что копьё он держал убедительно и Машег с луком тоже смотрелся достаточно веско.

Оценка обстановки. Бабы – в шоке. Мужик – тоже. Жрать перестал, глаза выпучил. Не боец. Голова обрита. Частично. Раб.

Но меры принять надо.

– Будете послушны, никого не убьём, – по-ромейски пообещал Сергей. И повторил по-словенски.

Поняли.

– Свяжи их, – велел Сергей рабу, взял только что испечённую лепёшку, откусил и одобритительно кивнул. Вроде и ел недавно, а уже проголодался.

Самого раба вязать не стали.

Сергей треснул пяткой копья. Звук был – как по деревяшке. И результат такой же. Раб лёг брёвнышком рядом с кухонными работницами.

Весь процесс занял минут пять.

В коридоре, за которым присматривал Машег, по-прежнему никого.

План Сергея был прост. Его даже планом нельзя было назвать. Пройтись по борделю, зачистить территорию, а потом вдумчиво побеседовать с хозяином. Можно даже не опасаться на шуметь. Веселящиеся у фонтана степняки – отличное звуковое прикрытие. Опять-таки, внимание стражи на них сосредоточено.

Ещё пара комнат, пустых, и вот коридор закончился выходом в подобие портика.

Во дворе – три женщины и двое мужчин. Один голый, а вот второй, к сожалению, одет. И не просто одет, а облачён в доспех из усиленной бляшками кожи. Широкое рябое лицо, чёрные волосы, заплетённые в две косы. На поясе нож, ремень пращи и метровой длины тесак без ножен. А ещё ошейник. Холоп. Доверенный. Не всякому рабу хозяин вручит оружие. Опасный персонаж.

Кстати, об оружии. Поверх одежды, сложенной на скамейке, на которой разместился рябой, – небольшой меч в ножнах. Сафьяновых, с жемчугами. Вряд ли в такие ножны сунут дешёвую подделку.

Сергей сглотнул.

В добыче, которая осталась после боя ромеев и пиратов, были два качественных меча. Но оба слишком тяжелы для Сергея. Но этот, похоже, будет в самый раз.

Хозяин дорогого оружия возился с повизгивающими девками, холоп пускал слюни и елозил рукой в портках. Пожалуй, Сергей переоценил его боевые качества.

Рассуждая здраво, трогать эту компанию не следовало. Следовало вернуться в дом и продолжить зачистку. Но пацан внутри Сергея логически рассуждать не желал. Он желал меч.

Сергей показал на рябого: «Убей».

И Машег убил. Стрела в шею, и холоп перестал быть боевой единицей.

Сергей рванул с места немногим медленнее стрелы.

И успел завладеть мечом раньше, чем владелец рябого выпутался из женских объятий.

Очень удачно вышло, потому что скорость, с которой этот ловкач среагировал на выстрел и его результат, говорили о многом.

Однако броситься на Сергея ловкач не рискнул. Тем более что у дверей стоял Машег с новой стрелой, наложенной на тетиву.

– Кошель под одеждой, – на скверном ромейском произнёс ловкач. – Забирай и убирайся.

Возможно, они договорились бы, но помешали хором заверещавшие бордельные девки.

И двое мордovorотов с дубинками, выскочившие во двор.

Одного свалил Машег, выстрелив практически в упор. Второго остановил Сергей, нырнув под замах и вогнав пядь стали между четвёртым и пятым ребром.

...И едва не схлопотал тесаком по голове от ловкача.

Уклонился в последний миг, уловив запах благовоний.

Тесак угодил по колонне, выбив каменную крошку. Сергей в развороте хлестнул клинком понижу...

Не достал.

Ловкач и впрямь оказался ловкачом. Успел убрать ногу. А новый удар блокировал уже оружием. Жёстко. Руку отбросило и пронзило болью до самого плеча.

Будь у ловкача нормальный клинок, тут бы Сергею и конец. Но тесак был просто заточенной железкой. Ловкач не достал самую малость. И теперь уже ему пришлось отскакивать, а самую малость не достал уже Сергей.

– Мелкий, а ловкий! – похвалил ловкач на том же скверном ромейском. – Хочешь мне служить?

– А ты – мне служить? – сделал встречное предложение Сергей.

Он видел, что дела у них с хузарином складываются не очень.

Ещё один вооружённый дубинкой здоровяк напал на Машега сзади. Тот защитился луком, потому что иначе было – никак. И остался без лука. Теперь он метался между каменных колонн, поддерживающих крышу портика, а его противник пытался прихлопнуть хузарина дубиной. Пока Машег был проворнее. Однако если появится ещё кто-то, ситуация станет совсем грустной.

– Мелкий, но дерзкий! – заявил ловкач. – Сейчас я тебя убью.

– Сейчас я тебе пенис отрублю, – пообещал Сергей.

Схитрил. Голый ловкач невольно скосил глаза вниз и среагировал на выпад мигом позже, чем сделал бы это, будучи в штанах. Хотя нет, в штанах он бы вообще не среагировал, поскольку это был финт, причём довольно простой, а фехтовальщиком ловкач был умелым.

Но доля секунды решает. Укол под плохо выбритый подбородок, прыжок назад, уходя от рубящего снизу вверх... И Сергей врезался плечом в тугой живот.

Обладатель живота охнул и кинжал, который он собирался вонзить в спину Сергея, безвредно чиркнул по кожаному жилету. Второй рукой толстяк попытался ухватить Сергея за голову, но не преуспел. Только повязку сорвал. Сергей же, присев и крутанув меч в руке на обратный хват (отличный баланс у оружия, надо отметить), ударил назад.

И ощутил, как легко, почти без сопротивления клинок входит в тело толстяка.

Тот завопил и попытался пырнуть кинжалом.

Сергею пришлось выпустить меч. Только на секунду, которая понадобилась, чтобы оказаться позади толстяка. Вновь ухватив рукоять уже левой рукой, Сергей повернул немного и без труда освободил оружие. Толстяк завопил ещё громче, кровь из раны хлынула с такой силой, что рубаха его вздулась тёмно-красным пузырьком.

Сергей рубанул толстяка по локтевому сгибу, правой рукой перехватил кинжал и метнул в громилу, который гонял Машега. Кинжал воткнулся громиле в спину. Воткнулся всего лишь на несколько сантиметров – скверный результат для ничтожной дистанции в пять шагов.

Тем не менее громила отвлёкся и дал возможность Машегу выхватить нож и использовать его по прямому назначению: в глубоком выпаде подрезать противнику подколенное сухожилие.

Громила крутнулся на месте, дубина со свистом пронеслась у Машега над головой, после чего громила потерял равновесие и рухнул мордой на каменные плиты. Машег упал на него сверху коршуном, атакующим кабана, и несколько раз ударил ножом в поясницу. Каждый удар сопровождался двоянным воплем: криком ярости и криком нестерпимой боли, перекрывавшим даже визг оставшихся без кавалера девок.

С кавалером тоже всё. Руки-ноги раскинуты, стручок увял, кровь из здоровенной раны уже не хлещет, а так, струится.

Похоже, они победили. Хочется верить, потому что Машег без лука – это никак не больше четверти от полноценного воина.

– За девками следи! – крикнул Сергей по-хузарски и кинулся в проход, из которого минуту назад выскочили мордовороты.

Ещё один коридор. Две двери. Одна нараспашку – и никого. Вторая...

Сергей открыл её пинком... Ну наконец-то.

Борделевладелец. В пикантной позе склонившийся над открытым сундуком...

Среагировал на звук, попытался выпрямиться, схлопотал по макушке крышкой сундука, охнул, но всё же принял более подобающую позу.

– Кто ты такой?

– А ты вспомни! – посоветовал Сергей, поигрывая мечом.

Борделевладелец вспомнил. Задрожал и попятился, прижавшись задницей к сундуку. Крепкий такой ромей, в теле. Килограммов под сто с виду, то есть раза в два крупнее Сергея. А ещё – не дурак. Но сразу понял: без шансов.

– Убить тебя? – спросил Сергей.

Замотал головой.

– А мне вот хочется тебя убить, – сообщил Сергей. – Вот так...

Взмах мечом, капли крови на лице борделевладельца. Пока что не его крови.

– Твоя жизнь уже моя, ты понимаешь?

Снова молчаливые кивки. Язык, что ли, отнялся?

Снаружи донеслись жуткие вопли. Совсем снаружи, с площади. Гуляют степняки. По-своему. Режут кого-то, надо полагать. Ну и хорошо. Друзей там, снаружи, у Сергея нет. А когда одни враги режут других, это их внутреннее дело.

– Твоя жизнь принадлежит мне, – сказал Сергей, когда вопли стихли. – Но ты можешь её выкупить. Скажи «да», если готов.

– Д-д-а-а...

Прорезался голосок у овечки.

Сергей внутренним усилием загнал эмоции пацана, который прям-таки затащился от своей власти над взрослым сильным мужчиной.

Он здесь не для того, чтобы гордыню тешить, а с совершенно конкретной целью.

– Вещи наши отдай для начала! И не шали. Если кто из твоих, кого мы ещё не убили, глупость сделает, то умрёт. Он быстро, ты медленно. Рассказать, как?

– Н-е н-надо... Я всё отдам!

– Правильный выбор, – похвалил Сергей. – Давай, шевели ягодицами.

Ходить далеко не пришлось. Ценности борделевладелец хранил в соседнем помещении. В спальне, где треть пространства занимала здоровенная кровать, на которой сидел пацанчик лет восьми в длинной рубахе.

При виде мальчишки желание Сергея прикончить гада увеличилось...

Наверное, это желание и на лице отразилось, потому что борделевладелец остановился и с максимально доступным мужеством попросил:

– Сына не трогай.

– Не трону, – пообещал Сергей.

Распродать их имущество борделевладелец не успел. Оба комплекта оружия и снаряжения оказались в целости. Даже украшения на месте. Не хватало только обуви Машега. Ничего, он как лук свой увидит, так о сапожках печалиться не станет.

Ещё пропали кошельки. Но, как поведал когда-то миру римский император Веспасиан, вводя налог на общественные туалеты: «Деньги не пахнут». Так что серебро из средств херсонского лупанария ничуть не хуже пропавшего.

Борделевладелец мелочиться не стал. Выгреб всё, что было в сундучке. Навскидку серебра и так было – килограмма три. Добиться до Самкерца хватит и ещё останется. С лихвой. Сергей не сомневался, что у элитного торговца секс-услугами имелись заначки, и если с ним правильно побеседовать...

– Мы – люди большого архонта русов, – сказал Сергей, переодевшись в своё и вновь ощутив себя полноценным воином-варягом. – Ты со своим приятелем-работоторговцем поступил глупо. Его уже рыбки доедают. А тебя я пока оставляю в живых.

– Спаси тебя Господь, господин! Век молиться за тебя стану! И сын мой...

Врёт. Небось побежит завтра к властям: жаловаться на учинённый Сергеем и Машегом беспредел.

Хотя, может, и не побежит. Работоторговец-то смылся из Херсона не просто так. Небось узнал, что отхватил кус не по челюстям. Однако не факт, что он поделился информацией с партнёром.

– Молись, – разрешил Сергей. – Надеюсь, Бог тебя услышит, потому что завтра я пойду к стратигу и расскажу, как ты, – Сергей надел на левую руку золотой браслет, прижав им рукав у запястья... – обошёлся с послами архонта русов.

– Не делай этого, мой господин!

Ага. В глазах снова страх, а не подленький огонёк.

– Твой гость, который напал на меня в твоём дворе, кто он?

Борделеваделец стрельнул взглядом на меч голого ловкача. Сообразил, молодец, что покойник не станет упрекать его за разглашение информации.

– Он из иверов. Здесь недавно. Кентарх⁷ фемных всадников. Был, – и тут же перешёл в атаку: – Если стратиг узнает, что ты его убил...

– Я? – изобразил удивление Сергей. – Почему я? Как думаешь, когда сюда придут и увидят мёртвого кентарха и множество мёртвых людей вокруг и тебя с мечом кентарха в брюхе, что подумают тогда люди стратига?

– Моя жизнь принадлежит тебе! – быстро сориентировался борделеваделец. – Но я готов её выкупить. У меня есть ещё деньги! А тело кентарха можно вынести из моего дома на площадь. И тогда все подумают, что его убили пацинаки!

– Ты неглуп, – похвалил Сергей. – Сделаешь, как сказал. И деньги тоже носи. И когда мы встретимся с тобой в следующий раз, думай, что говоришь.

Как и предполагал Сергей, увидев свой лук, о сапогах Машег даже и не вспомнил. Аж запрыгал от радости.

Сергей тоже был доволен. План обогащения и возвращения статуса был выполнен на двести процентов. Цена вторичного выкупа жизни секс-предпринимателя оказалась вполне достойной: одиннадцать золотых номисм с портретом императора Василия Македонянина, предшественника нынешнего Льва. Почти пятьдесят граммов золота в совокупности.

И бонусом – приглашение от их бывшего хозяина. Мол, приходите ещё, гости дорогие. Вам здесь всегда рады.

Верилось с трудом. Но Сергей пообещал, что – непременно. Чтоб кое-кто не расслаблялся.

* * *

– Опять русы! – настроение у херсонского стратига, и без того не радужное, совсем испортилось. – Не понимаю. Прислать ко мне посольство и одновременно грабить наши суда. А теперь вот это бессмысленное убийство. Зачем им могла понадобиться смерть кентарха?

– Я не знаю, сиятельный, – секретарь развёл руками, всем видом демонстрируя искреннее сожаление, что не может помочь господину.

Тот, впрочем, ответа и не ждал.

– Найди подходящего человека и отправь его в Самкерц. Я хочу знать, что там произошло и почему патрикий Николай Пиперат подписал с ним договор. И в чём была выгода самого Перчика? Война с русами нам нужна ещё меньше, чем война с пацинаками. Но пиратствовать в моих водах я никому не позволю! Да и Самкерц... Если бы мне удалось закрепиться на том берегу, в Палатине это одобрили бы. Надо разузнать. Есть у тебя человек, подходящий для этого дела?

– Да, сиятельный. Пист его имя. Прибыл недавно, но уже показал, что ловок. И мечтает услужить тебе, господин мой.

– Пусть проявит себя, и я его приближу, – пообещал стратиг. – Что пацинаки?

– Избили троих граждан, обесчестили девку, нагадили в фонтан на площади. Утром покинули город. Фонтан уже вычистили.

– Невелик убыток, если их архонт исполнит то, что обещал, – проворчал стратиг. – Есть вести о Симеоне?

– Нет, сиятельный, ничего нового.

⁷ Кентарх – сотник.

– Это хорошо, – стратиг потёр шрам на щеке, полученный ещё в молодости. След от мисийской стрелы. – Или плохо. Знать бы, что замышляет этот дикарь?

Секретарь промолчал. Хотя он точно знал, что замышляет мисийский царь. Распространить свою власть на всё северное побережье Евксинского понта.

И стратиг Херсонской фемы Иоанн Вога тоже это знал. Знал он и то, что если он сейчас не примет самых действенных мер, то замысел царя Симеона вполне может осуществиться. Именно поэтому стратиг делал всё возможное, чтобы отвлечь диких пачинаков от своего прежнего союзника⁸. Хороший политик, а Иоанн полагал себя именно таковым, не тот, кто сражается с врагами, а тот, кто заставляет их сражаться друг с другом. Мисян – с уграми, угров – с хузарами, хузар – с пачинаками, пачинаков – с русами. А когда дикие скифы обескровят друг друга, придёт он, стратиг Иоанн, и на копьях тяжёлой фемной кавалерии принесёт им мир, закон и порядок.

⁸ Булгарский царь Симеон вместе с печенегами воевал против угров примерно за десять лет до описываемых событий.

Глава 6, которая начинается славным морским путешествием, а заканчивается бедой

Рассвета дожидаться не стали. Сразу отправились на пристань. Жизнь здесь уже кипела. С десятков корабликов активно загружались товарами и припасами, чтобы отчалить с рассветом. Осталось только выяснить, какое судно пойдёт в нужном направлении, и договориться с капитаном.

Договориться оказалось несложно, и плату с них взяли чисто символическую. Несмотря на юный возраст, выглядели Сергей с Машегом достаточно представительно. Видно, что в деле умерщвления ближних уже не новички.

Поднялись на борт, заняли отведённые места на палубе и – спать.

Проснулись уже к полудню, умылись морской водичкой, перекусили и занялись каждым своим делом. Машег – проверкой стрел, Сергей – общением с капитаном.

Их судно шло вторым. Всего же в караване было четыре кораблика. Три – типовой византийской постройки, непосредственные «родственники» работорговой посудыны, в которой они оказались несколько дней назад. Четвёртый корабль, флагман их маленькой флотилии, тридцативёсельная галера⁹, одним присутствием отгоняла всякую пиратскую мелочь.

Шесть дней путешествие проходило мирно и просто. Попутный ветер при относительно спокойном море, безопасные высадки на берег для пополнения запасов воды и провианта. Даже как-то скучновато.

Есть, пить, спать, тренироваться. Ещё – беседы с капитаном, херсонитом по рождению, рассказавшим Сергею много полезного о нынешней политико-экономической ситуации в Причерноморье.

И всё бы хорошо, да только разбоем в тёплых черноморских водах промышляла не одна лишь мелочь.

Однажды из лёгкого утреннего тумана, клубящегося у береговых скал, показались хищные чёрные головы «морских драконов».

Собственно «драконов» Сергей увидел с некоторым опозданием, поскольку играл на корме с Машегом в увлекательную скандинавскую игру «поймай ножик». Заключалась игра в том, что один из участников метал в другого нож, тот его ловил (желательно рукой, а не грудью, физиономией или чем-нибудь ещё) и тем же манером возвращал первому. Ножик был острый, потому игра требовала максимум внимания и правильного состояния ума, так что суету на палубе они с Машегом заметили не сразу. А когда заметили, то поспешно принялись облачаться в боевое.

И к тому времени, когда оба затянули пояса поверх кольчужек, два драккара из трёх уже вошли в тесное соприкосновение с передовой галеей, безжалостно ломая её вёсла и калеча рабов-гребцов. Считанные минуты – и бородастые северяне, закинув крючья, полезли на высокие борта «византийца».

Третий драккар, сбрасывая ход, обогнал второе судно, затабанил, пропуская мимо себя номера три и четыре, а затем, без разворота, задним ходом притёрся к замыкающему четвёртому.

Сергей увидел, как десятка два копий полетели в защитников «купца», заставив их попрятаться за бортом. Тех, кто успел.

⁹ В данном случае – парусно-гребной корабль с одним рядом вёсел.

Практически одновременно с копейным «залпом» гребцы-нурманы навалились на рукояти весел, вскидывая их лопасти выше бортов торговца, и дюжина викингов взбежала по ним, как по абордажным мостикам. Несколько секунд – и на палубе «купца» уже полным-полно нурманов.

А вёсла драккара упали вниз, вспенили воду и повторили ровно тот же приём с третьим судном каравана.

А вот с номером два им пришлось повременить. Его капитан уже повернул кормой к ветру, корабль обошёл взятую на абордаж галею и на всех парусах рванул в открытое море.

Тягаться с драккаром в скорости купеческому судну сложно даже при крепком попутном ветре. Однако сейчас экипаж «дракона» был ополовинен высадкой абордажных команд, и догнать «купца» сразу у него не получилось. Дистанция между преследователем и преследуемым сокращалась, но очень медленно.

Напряжённое лицо кормчего, по глаза заросшего чёрной бородой.

Он делал, что мог, но...

Машег с Сергеем обосновались на корме с луками наготове. Вместе с ещё четырьмя стрелками-херсонитами.

Если им удастся подстрелить пяток гребцов, то появится шанс уйти.

Ага. Подстрелить. Разбежались. Нурманский кормчий рулил так, что единственной мишенью был узкий высокий нос, увенчанный оскаленной деревянной головой, и разноцветные бляшки щитов на бортах, под которыми мерно вращались длинные вёсла.

Когда дистанция сократилась метров до пятидесяти, херсониты принялись бить навесом.

Пустая трата стрел, которые лучше бы прибереечь. Хотя – смысл?

Сергей оглянулся. На корме сгрудилось десятка полтора кое-как вооружённых херсонитов во главе с капитаном. Дюжина викингов нашинкует их, даже не вспотев. Ну, может, удастся подранить стрелами пару-тройку северян непосредственно в момент высадки.

Судя по лицу капитана, он полностью разделял мнение Сергея. И надеялся только на чудо. Вдруг ветер окрепнет или в корабле-преследователе внезапно откроется течь.

Как бы на месте капитана поступил Сергей?

Драться – без шансов. Сдаться? Викингам? Да ну на фиг! Лучше умереть в бою, чем попасть в плен к нурманам!

А на своём собственном месте что делать?

Драккар был Сергею незнаком. Но Сергей знал язык скандинавов. Он был варяг, причём не просто варяг, а из княжьей руси. Человек великого князя Хельгу-Олега. Так что, если не убьют сразу, можно попробовать договориться.

Капитан решил:

– Спустить парус! – крикнул он. – Опустить оружие, – и, тоже по-ромейски, преследователям:

– Мы сдаёмся!

Но его, похоже, не поняли. Или не захотели понять.

Драккар догнал потерявшее ход судно, зашёл справа, и над бортами разом поднялся с десяток нурманов, заноса копьё для броска.

– Они сдаются! Сдаются! – заорал Сергей по-нурмански.

И, ухватив Машега поперёк туловища, вместе с ним рухнул на палубу за миг до того, как нурманское копьё, прогудев над ними, с хрустом воткнулось в фальшборт на противоположной стороне.

Завопил херсонит, которого другое копьё проткнуло насквозь. И ещё один...

Впрочем, оказавшись на палубе и не встретив сопротивления, нурманы больше убивать не стали.

Сдавшихся моряков согнали к мачте, дали древком копья по голове капитану, который попытался вступить в переговоры, и...

– И кто это у нас? – Можно подумать, ты меня не узнал, Хаги! – буркнул Сергей, держа руку на мече.

За его спиной, слева, замер Машег с луком на изготовку.

– Конечно, я тебя узнал, маленький дерзкий варяг! – Хаги Маленький расплылся в кризубой улыбке. – И ты здесь, и твой красавчик-друг. А наш ярл... далеко!

До чего ж паскудная рожа. Широкий рот, клочковатая борода, сплюснутый негритянский нос, лба, считай, нет, зато уши – лопастями. И сам Хаги весь какой-то нескладный, сутулый, почти горбатый. Ростом не вышел, зато руки длиннющие, как у шимпанзе.

Надо же, как не повезло. Из всех хёвдингов ярла Харальда Скулдисона им встретился именно этот.

Единственный, с кем у Сергея сложились по-настоящему скверные отношения...

Глава 7. Самкерц. Три недели ранее

Грозные византийские дромоны покинули гавань Самкерца, унося на палубах ужас и трепет средневекового мира – метатели «греческого огня». А также патрикия Николая Пиперата со свитой и с копией свежеподписанного договора о сотрудничестве.

«Византийская империя в лице своего представителя имярек с одной стороны, хакан Таматархи Олег с другой стороны...»

Впрочем, новоиспечённый хакан тоже задерживаться в отжатом у хузар городе не планировал. Через несколько дней он намеревался отплыть домой, в свой стольный град Киев.

И вместе с ним, под защитой княжеских лодий, вверх по Днепру уходил длиннющий караван трофейных кораблей с добычей. А с княжьей флотилией – ещё один флот, смешанный, многонациональный и разноплеменный. Торговые корабли независимого купечества.

Упустить возможность провести суда под такой знатной охраной не захотели даже хузарские купцы. Впрочем, мало кто из них скорбел о безвременной кончине убитого Рёрехом Булана, прежнего наместника Самкерца-Таматархи-Тматорокани. Те, кто скорбел и лелеял месть, при первой же возможности покинули город. Это было несложно. Ворота Самкерца великий князь запирать не стал.

Олег уходил из Самкерца с огромной добычей, но главным его призом стал сам город и прилегающие территории. Их киевский князь оставлял за собой, прибавив к своему княжескому титулу ещё один, хакана Тматороканского. Хотя следует признать: власти над собственно Тматороканью-Таматархой у Олега не было. Там по-прежнему распоряжались хузары.

«Местником моим в городе сём я назначаю Рёреха, сына князя беловодского Стемида! – объявил Олег во всеуслышание утром после переворота. – Воеводой же при наместнике Рёрехе я ставлю... ярла Харальда Скулдисона!»

Неожиданный ход.

Первым и старшим – родича. Пусть и весьма перспективного и надёжного, однако ничем великим себя пока что не проявившего.

А вторым – прославленного ярла, успевшего за время своей недолгой службы великому князю продемонстрировать свои многочисленные таланты стратега и тактика.

Ведь именно благодаря нурманам кровавый пир в крепости хузарского наместника и его ромейских заказчиков закончился не устранением архонта русов, а смертью самого наместника.

В том, чтобы поставить наместником именно Рёреха, определённая логика имелаась.

Кто поручится, что нурманский ярл, если назначить его главным, оставшись «наедине» с жителями Таматархи, не пожелает стать самым главным? Не наместником, а правителем. Или попросту ограбит новых подданных Олега дочиста и уйдёт домой, на север, где огромных размеров добыча сделает его очень значительным человеком. Не ярлом уже – конунгом.

Однако, если подумать: кто может помешать Харальду стать первым, а не вторым, когда Олег с гридью уйдут из Самкерца?

Рёрах?

Но дружина княжича втрое меньше Харальдова хирда. И это только числом. А ведь и качественно две большие сотни Харальдова воинства существенно превосходят варяжскую молодёжь.

Даже будь варягов вдвое больше, чем нурманов, сойдись оба войска в честном бою, не факт, что численное превосходство помогло бы. С куда большей вероятностью поле боя и в этом случае осталось бы за викингами.

В общем, противостоять Харальду силой на силу Рёрах никак не мог. И отлично это понимал.

Понимал это и Харальд.

Ему, похоже, осталось лишь дожидаться ухода Олега, чтобы подгрести власть под себя.

Но ярл ждать не пожелал.

Вернее, не пожелал ждать один из его вождей-хёвдингов, свей по имени Маленький Хаги. Жадность и нетерпение последнего не оставили Харальду выбора. Не встать на сторону своего человека ярл не мог. Не по понятиям.

Сергей с Машегом сидели в лавке знакомого хузарина, угощаясь за его счёт, когда на рынке появилось дюжины две северян.

В принципе, ничего удивительного в том, что нурманы решили посетить главный городской рынок, не было. Рынок в Самкерце отличный. Много качественных товаров на любой вкус: от восточных пряностей до контрабандных¹⁰ франкских мечей. Вот только на рынке за приглянувшиеся товары принято платить, а нурманы почему-то забыли о такой «мелочи».

Едва только вошли на территорию рынка, как тут же раздались возмущённые крики торговцев... На которые рыночная стража, десяток аланов¹¹, «доставшихся» новой власти в наследство от старой, не прореагировала. Аланы старательно делали вид, будто ничего не происходит. Может, получили взятку от северян. Но скорее всего, решили не ввязываться в драку с «новой властью». Да у них бы и не получилось. В пешем бою один викинг – это минимум три алана. А тут больше двух десятков северян.

Впрочем, не все нурманы занялись грабежом. Трое сразу проследовали к зданию рыночной «администрации».

Одного из них Сергей узнал: один из вождей-хёвдингов Харальда-ярла Хаги Маленький.

Насколько помнил Сергей, Хаги прибил к ярлу ещё в Киеве. Сам – свей из изгоев. То ли он убил кого-то и был изгнан тингом¹², то ли с конунгом свейским Бьёрном Эйриксоном посрался. А может, и то, и другое. Ростом Хаги был невелик, за что, собственно, прозвище и получил. Но среди нурманов он пользовался немалым уважением, поскольку бойцом был изрядным и мозгами не обделён. Вдобавок, к Харальду он не один пришёл, а с довеском. Тремя десятками хирдманов¹³-свеев.

На Харальда Хаги произвёл столь серьёзное впечатление, что ярл отдал ему под начало один из драккаров. А поскольку остальных хёвдингов ярл выбрал исключительно из тех, с кем служил в Константинополе василевсу ромеев, то назначение Хаги говорило о многом.

Хёвдинг Хаги вошёл в здание, а его бойцы разбрелись по рынку. Точнее, не разбрелись, а двинулись шеренгой между рядами, прибирая то, что приглянется.

Всполошившиеся торговцы, сообразив, что надеяться на поддержку закона бессмысленно, поспешно прятали наиболее ценный товар. Но всё сразу не спрячешь, и грабителям было чем поживиться.

Сергей увидел, как один из нурманов, проходя мимо стола с образцами кожевенной продукции, ухватил самую дорогую сумку, элитный продукт из тиснёной красной кожи, с серебряными пряжками и уголками, повесил на плечо и двинулся дальше, не заплатив и медяка. Бросаться в погоню за нурманом и уж тем более пытаться отнять сумку у здорового воина

¹⁰ Очень качественные мечи западно-европейского производства были высочайше запрещены к экспорту. Существовала даже специальная служба, которая занималась пресечением этой «контрабанды наоборот». Но если что-то кому-нибудь очень нужно, то способы реализации желания непременно найдутся. А поскольку эти мечи весьма ценились и на востоке и на севере, то...

¹¹ *Аланы* – достаточно древняя народность. В описываемое время – жители Северного Кавказа. Нередко выполняли роль наёмников.

¹² *Тинг* – общее собрание свободных граждан в скандинавских странах.

¹³ *Хирдман* – человек хирда, то бишь воин боевой дружины скандинавского вождя.

купец не рискнул. Лишь прибавил к десяткам возмущённых и жалобных воплей ещё один, свой.

Хузарин, чьим гостеприимством воспользовались Сергей с Машегом, тоже всполошился и тоже не успел.

Остановившийся у прилавка викинг пощупал отрез шёлка на прилавке Машегова знаконца, одобрительно хмыкнул и...

– Не тронь, друг, не надо! – по-нурмански произнёс Сергей, сдвигая на затылок хузарскую шапку. – Этот торгаш – мой человек.

Скандинав, до сего момента не обращавший внимания на двух мальчишек, устроившихся под навесом, Сергея признал и спорить не стал: вернул отрез на место, ухмыльнулся, кивнул и переместился к другой лавке. С практически таким же товаром.

– Спасибо, спасибо, спасибо! – затараторил благодарный хузарин.

Сергей небрежно кивнул. Он был встревожен. Олег обещал жителям Самкерца мир и честную торговлю. Нынешний грабёж в эту концепцию явно не укладывался. И как-то не верилось, что Хаги действует с санкции великого князя.

Получается, что между русами и нурманами теперь не всё гладко?

– Испробуйте этого вина, друзья мои! Скоро и барашек поспеет! Очень хороший барашек, сладкий, как материнское молоко!

Хузарин, чьё имя Сергей так и не удосужился запомнить, очень старался угодить. Благодаря варяжским отрокам его лавка была островком безопасности в море беспредела, учиняемого нурманами.

Гвалт на рынке стоял такой, что небось и в гавани слышно. Но то были лишь вопли возмущения. Северяне грабили, но не разбойничали. Без крови.

Из «здания администрации» вышел Хаги. Огляделся...

И сразу зацепился взглядом за попивающего винцо Сергея.

Подожёл вразвалочку, ухмыляясь:

– Харальдов любимчик! Вижу, ты и тут сумел неплохо устроиться. Может, и меня угостишь?

– Ты не любишь вина, хёвдинг, – холодно произнёс Сергей. – А пива у меня нет.

Хаги подошёл вплотную, упёрся ладонями в стол так, что тот опасно заскрипел:

– Значит, вот как?

– Пожалуй, мой господин!

Хузарин, почувствовавший нехорошее, протянул нурману чашу с вином.

Хаги, не глядя, вышиб её из рук купца. Вино выплеснулось удачно: на землю. На ткани попало лишь несколько капель.

Свейский вождь навис над Сергеем, хмурился грозно, давил взглядом...

Мальчишке Варту было страшно. Угроза, исходившая от хёвдинга, ощущалась почти физически. Но Сергей не боялся. Даже если позабыть, что за ним – варяги, всё равно Хаги не рискнёт применить силу. Слишком большая между ними разница в статусе. И среди нурманов немало тех, кто Сергею симпатизирует. Включая самого ярла.

– Храбришься, – процедил Хаги. – А ведь я могу выдавить твои дерзкие глаза и заставить тебя визжать от страха.

– Возможно, – Сергей не отводил взгляда. – А может, и нет. Вот ты, могучий хёвдинг, ты завизжал бы, если б глаза выдавили тебе?

Один из стоявших за спиной Хаги хольдов¹⁴ одобрительно хмыкнул, а вот второй, его вроде Коллем Обжорой звали, явно напрягся. Если первый хольд – из людей Харальда, а вто-

¹⁴ Хольд – старший воин в скандинавской дружине. Уровень от десятника и выше и дополнительная доля при делёжке добычи.

рой – из свеев, пришедших вместе с Хаги. И его реакция Сергею не понравилась. Похоже, хольд опасался, как бы его вождь не наделал глупостей. Например, решил бы прямо сейчас реализовать угрозу.

Но Хаги справился. Скрипнул зубами и выпрямился. Ему хватило мозгов, чтобы обуздать гнев. Он просто развернулся и двинулся к выходу с рынка.

А за ним следом потянулись и его люди, чьи спины гнулись от множества несправедливо взятых трофеев.

– Ты не знаешь страха, друг мой, – негромко произнёс Машег. – Но теперь у нас появился ещё один враг.

– По-другому нельзя. Это нурман. Покажи ему слабость – и ты пропал.

Машег кивнул, соглашаясь. Друг сказал то, что хузарин и ожидал услышать.

А вот сам Сергей был не так уж уверен, что поступил правильно. Этот Хаги наверняка гад злопамятный. А Сергей пока что очень далёк от того, чтобы играть с такими на равных.

Глава 8. Самкерц. Три недели ранее

Как и следовало ожидать, наглый грабёж вызвал ответную реакцию. К великому князю явилась делегация местного купечества. С жалобами и упрёками. Мол, обещал новый владыка Таматархи-Тматорокани мир и порядок, а обижать их начали чуть ли не в тот же день.

Олег вникать в обиды не захотел. Или сделал вид, что не хочет. Сказал: у вас отныне есть наместник. Теперь главный в Самкерце он, пусть и разбирается.

И отрока купцам дал, чтобы к наместнику проводил и волю старшего до Рёреха донёс.

Неизвестно, знал ли великий князь, кто именно изобидел купцов. Вполне возможно, что как раз знал и решил испытать своего родича и ставленника на профпригодность.

Сергей склонялся к последнему варианту. Олег был из тех, кто учит плавать, бросая обучающегося в воду. Туда, где поглубже и похолоднее.

При разговоре купцов и великого князя Сергей не присутствовал. Вернувшись с рынка, он, по предложению Машега, решил потренироваться в стрельбе. Вслепую. На звук.

Создавал звук Машег, перемещаясь с места на место с большущим ростовым щитом, а Сергей пулял в хузарина тупыми стрелами. Иногда попадал. В щит.

И, увидав компанию купчин из городской торговой элиты, с мрачными рожами бредущих за Олеговым отроком, Машег отвлёкся и едва не схлопотал стрелу.

По счастью, рефлекс у юного хузарина были правильные. Так что едва его слух уловил негромкий скрип раздёргиваемого для выстрела лука, как его организм понял, что спрятаться за щит уже не успеть, и хузарин просто упал наземь. Стрела прошла над ним, ударила в стену сарая и расщепилась по всей длине.

Удачно получилось. Угоди учебная стрела, скажем, в смазливую мордочку Машега...

– Варт, довольно! – крикнул хузарин другу, и тот не без удовольствия стянул с лица повязку и вытер ею же разгорячённое лицо.

– Туда посмотри! – Машег махнул рукой в сторону здания, где в Самкерце размещалась судебная управа. При смене власти она таковой и осталась. Только судить теперь в ней должны были не по иудейским законам хузар, а по Правде. Во всяком случае – теоретически.

– Пойдём глянем? – предложил Машег. – Торговые жаловаться пришли. Хочу поглядеть, как ваш княжич это дело рассудит.

– Наш княжич, – машинально поправил Сергей.

А ведь и впрямь интересно: на чью сторону встанет княжич: силы закона или закона силы?

Как работает последний, Сергей наблюдал пару часов назад на рынке.

Кстати, они и видами могут быть при необходимости. Что плохо: Сергей не рассказал княжичу о том, что видел. Не думал, что пригодится. Полагал: с нурманским беспределом не Рёреху, а Олегу разбираться.

Ошибся.

В судебском кресле Рёрах смотрелся вполне органично. Ничуть не хуже умудрённых годами длиннобородых хузар, восседавших здесь прежде.

И смотрелся хорошо, и выглядел достойно. То есть никак не проявляя своего отношения к услышанному. А ведь от дельца, которое ему подкинул от щедрот своих великий князь Киевский, отчётливо пахло неприятностями. Причём не только для богатеев Самкерца.

– ...Брали всё самое лучшее. Даром. А ещё сказали: если не дадим им через три дня сто двадцать номисм, то они товарами вдвое возьмут! – В голосе купеческого старшины воз-

мушение и страх смешались в равной пропорции. – Хакан Олег нам защиту обещал! Говорил, торгуйте, как прежде, а что теперь? Не по закону так.

«А у Хаги губа не дура, – подумал Сергей. – Полкило золота. И наверняка на этом не остановится». Нурман, даже свой нурман, всё равно разбойник. Впрочем, если свейский хёвдинг и действовал по собственной инициативе, делиться с ярлом ему всё равно придётся.

– Слово великого князя – нерушимо, – объявил Рёрах купцам. – Не бойтесь. Грабить вас более не будут. А что не по закону взято – вернут. Или оплатят.

Купцы ушли довольные. А вот княжич довольным не казался.

Что, интересно, он предпримет?

Будь на его месте Сергей, он бы поступил просто. Доложил о грабеже Олегу. Его воевода, пусть сам на место и ставит. Хотя не факт, что даже Олегу удастся вернуть то, что уже отправилось в нурманские сумки.

Слово сказано. Теперь – самое интересное. Побегит ли сын князя Стемида к дяде Олегу или рискнёт разрулить конфликт собственными силами?

Жаловаться великому князю Рёрах не стал. Кликнул пару отроков и поручил им доставить сюда Харальда-ярла. Ну да, кто бы из нурманов не набезобразничал, отвечать по закону и при необходимости карать преступника – это дело Харальда.

А что касается «доставить», то точнее было бы сказать: вежливо попросить. Потому как применить силу в случае отказа отроки не могли.

То есть могли, но применяли бы её очень недолго. Может, пару секунд, потому что ярл Харальд Скулдисон отправил бы их в Иррий быстрее, чем проворачивается колесо чемпионской колесницы на константинопольском ипподроме.

Теперь оставалось ждать, явится ли ответчик.

Ярл явился. И с ходу отверг претензию.

– Я в своём праве, – пояснил Харальд. – Мои люди голодны, а уговора о кормлении у меня нет. Значит, им приходится кормиться самим.

Он не оправдывался, просто поставил в известность.

И теперь не без удовольствия наблюдал за молодым княжичем. Примет, не примет?

Рёрах задумался. Из уважения к тому, что Харальд внял его просьбе и пришёл, княжич встал со стоявшего на возвышении судейского кресла.

Княжичу очень хотелось поладить с крутым нурманом. Очень. Собственно, у него не было другого выхода, учитывая расклад сил.

Вряд ли Рёрах ожидал, что ярл станет оправдываться. Но подобного тоже не предполагал.

Такая постановка вопроса была для княжича внове. Обыкновенно дружинник на службе никакого договора-ряда с вождём не заключал. Кормился с общего стола, но одевался, обувался, вооружался сам. Реже – из общего имущества. Добычу делили в соответствии с рангами. Нурманы, которые служили отцу Рёрах, входили в дружину на общих основаниях.

В Киеве что, не так?

– Мы нынче не в Киеве, – справедливо заметил Харальд. – Кормиться с твоего стола не хочу. У нас от ваших варяжских яств животы пучит.

Прямо и доходчиво. Мол, ты, Рёрах Стемидыч, себя с киевским князем не равняй. Ходить под тобой не стану.

И это сейчас, когда Олег ещё в Самкерце. А что будет, когда он уйдёт?

– И чего ж ты хочешь, ярл? – поинтересовался Рёрах.

Он тоже прекрасно понимал ситуацию.

Уйдёт Олег вместе со своей гридью, и что тогда?

А тогда наместник Рёрах с его небольшой варяжской дружиной окажется в полной зависимости от воеводы Харальда и его хирда.

– Чего ты хочешь?

Харальд хотел изрядно. Пищевого довольствия в количестве, удовлетворившем бы и вдвое большее воинство, чем то, что ходило под началом Харальда. А ещё денежного содержания не ниже того, что платил своим гвардейцам император Византии.

Требования не просто завышенные – невыполнимые. Харальд не хотел договариваться. И пришёл он не от обвинений защищаться, а предъявить ультиматум.

Да, как выяснилось позже, Хаги Маленький действовал по собственному почину.

Однако Харальд сдавать своего подчинённого не стал. Напротив, решил использовать ситуацию. То есть нагнуть свеженазначенного наместника.

И опять у Рёреха два варианта. Поджать хвост и признать своё подчинённое положение или пойти на конфликт.

То, что Харальд взялся строить княжича сейчас, означало, что к конфликту он готов. Не исключено, что подобным образом ярл хотел донести до Олега собственное недовольство тем, что тот назначил наместником родича, а не его, Харальда.

Поджать хвост Рёрах не мог. Не так воспитан. Харальд, скорее всего, учитывал и это. Отступить Рёреху невместно. А сражаться с нурманом – силёнок не хватит. Так что любой ход княжича ухудшит его позицию.

Ярл это знал. Все это знали. В том числе и два нурманских хёвдинга за спиной Харальда: приятель Сергея Сигвард Кривоногий, пришедший с ярлом в Киев из Византии, и Сергеев недруг Хаги Маленький.

Харальд, хёвдинги и ещё три десятка нурманов пришли сюда не для переговоров. Это была демонстрация силы. Ну и поглумиться заодно.

– По-твоему не быть! – отрезал Рёрах. – И ты это знаешь. Зачем просишь?

Ходить на поводке у нурманов княжич не собирался. Даже если нурманов втрое больше. Рёрах принял бой. Пока что словесный.

– Я не прошу, варяг, – осклабился Харальд. – Я требую. И получаю. Добром или кровавым железом.

– У меня тоже есть железо, – напомнил Рёрах. – И крови на нём хватает. Бывала на нём и кровь викингов.

– Я испуган, – Харальд Скулдисон, берсерк, ярл и воевода, ухмыльнулся, встопорщив светлые усы.

– Прости, не хотел тебя испугать, – Рёрах произнёс это серьёзно, даже с участием. Словно и впрямь верил, что может напугать берсерка. – Вражды с тобой не ищу, Харальд-ярл. Великий князь поручил нам этот город: мне – править, тебе – защищать. Не должно нам быть врозь.

Сказано, однако, было тем же тоном, каким Рёрах извинялся. Хочешь – верь, хочешь – нет.

– Правь, если желаешь, – Харальд сделал полшага вперёд. – Но правь своим кораблём. Не моими.

Ростом ярл был повыше княжича и хотел, чтобы тот это прочувствовал. Чтобы задрал голову, если захочет глядеть ярлу в глаза.

Отступить, выказать слабость Рёрах не мог.

Но он нашёл выход. Снова уселся на судейское место.

Рост больше не имел значения. Варяг сидел, причём на возвышении, а нурман стоял перед ним.

Харальд скользнул взглядом по помещению. Ничего подходящего. Скамьи вдоль стен и маленькая скамеечка у стола. Для писаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.